Аксель Панцер

ИВАН. БРЕМЯ ЦАРСТВА

КНИГА ВТОРАЯ

СОБИРАЯ ДЕРЖАВУ

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ

Главы 34–44

Аксель Панцер

Иван. Бремя царства. Том 5. Книга 2. Часть 4. Собирая державу

«Автор»
2026

Панцер А.

Иван. Бремя царства. Том 5. Книга 2. Часть 4. Собирая державу / А. Панцер — «Автор», 2026

После Казани и Астрахани Русское царство кажется несокрушимым. Но чем шире его границы, тем тяжелее бремя власти. Иван Васильевич требует от служилых людей порядка и верности, а в поместьях каждое государево решение оборачивается чужой судьбой. На западе вспыхивает война: Нарва, Юрьев, первые победы, соблазн скорого торжества. Но победы оборачиваются дипломатическими ловушками, союзники меняют обещания, а вчерашние советники всё чаще вызывают у царя сомнение.В Кремле, среди грамот и донесений, Иван ещё надеется удержать равновесие между державным долгом и человеческим счастьем. Рядом с ним Анастасия — та, перед кем он может быть не государем, а мужем. Но болезнь приходит туда, куда не властны войска и указы. И первая трещина проходит не по стенам крепостей — по сердцу человека, которому поручена целая страна.Четвёртая часть «Собирая державу» — роман о цене побед, начале недоверия и утрате, после которой власть звучит иначе.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Иван. Бремя царства. Том 5. Книга 2. Часть 4. Собирая державу

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ИВАН. БРЕМЯ ЦАРСТВА
КНИГА ВТОРАЯ
«СОБИРАЯ ДЕРЖАВУ»
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
«ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ»
ГЛАВЫ 34–44

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ
ЦЕНА ПОМЕСТЬЯ

Москва — Коломенский уезд.
Ноябрь 1556 — апрель 1557 года.

Матвей Лазарев обнаружил противоречие, когда перечитывал выписку из коломенских поместных книг. В старой записи за Савелием Ивановым сыном Нечаевым значилось одно количество земли, в новой — другое. Прибавка была указана исправно, с перечислением межевых признаков, однако сведения о пригодной пашне почти не изменились. Получалось, что служилому человеку пожаловали землю, а сколько с неё можно получить хлеба, никто толком не установил. Матвей пододвинул к себе второй лист.

В нём содержалась просьба самого Нечаева. Савелий не оспаривал пожалования и не требовал отменить прежнее решение. Он просил подтвердить границы нового участка, поскольку возле старого ручья обнаружился спор с соседними владениями, а часть земли, записанной как пашня, ещё оставалась под кустарником.

Матвей прижал края обеих грамот чернильным прибором: от сырости бумага сворачивалась трубкой. В прежней выписи против имени Нечаева значилась пашня; в новой к ней прибавили меру служебного оклада, не отделив готовое поле от болотистой низины и леса, который ещё предстояло корчевать. Дьяк придвинул лист к окну, проследил строку ногтем и сделал на полях помету об осмотре. Переписчик перенёс цифры правильно; ошибку следовало искать не в почерке, а в самой оценке земли.

— Лука, — позвал Матвей.

Подьячий поднялся от соседнего стола.

— Слушаю.

— Принеси коломенскую выписку за прежний смотр. Там Нечаев должен быть.

Лука подошёл к сундуку, где хранили уездные дела, и начал разбирать связки. Некоторое время слышался только шелест бумаги. Он вынул нужную запись, сверил имя и передал старшему. Матвей разложил листы рядом. Старый оклад. Новое пожалование. Сведения о службе. Отметки о коне и вооружении. По бумагам всё сходилось лишь приблизительно.

— Если прибавку всю за добрую землю положить, — заметил Лука, — службы больше требовать выйдет.

Матвей удержал раскрытую ведомость ладонью.

— Выйдет.

— А коли она под кустом?

— Оттого и просит пересмотра.

Подьячий помедлил.

— Может, сам нарочно говорит, что земля худая?

Матвей поднял глаза. Вопрос был разумным. Служилые люди нередко старались показать свои владения беднее, чем они были в действительности. Некоторые боялись лишних повинностей. Другие надеялись получить новое пожалование. Бывали и такие, кто держал хорошую землю, но на службу являлся с одним плохо снаряжённым человеком.

— Может, — ответил Матвей. — Только ты прежде разберись, а потом суди.

Он указал на прежнюю запись. Савелий Нечаев участвовал в казанских походах, служил исправно, имел одного надёжного коня и не раз просил помощи на восстановление хозяйства. Нынешнее пожалование было получено после долгих разбирательств. В одной из прежних тяжб он отказался требовать землю, которой пользовалась семья умершего служилого человека. Матвей помнил эти обстоятельства. Теперь требовалось решить, что именно должна получить государева казна от такого человека. Не только нынче. В последующие годы тоже.

— Пиши в Коломну, — распорядился он. — Пусть осмотрят землю. Отделят пашню от запущенных мест. Старые межи проверят. И о службе Нечаева особую выписку пришлют.

Лука приготовил перо.

— А пока какую службу за ним писать?

Матвей задумался. Здесь и находилась главная трудность. Новый порядок устанавливал определённую меру. Со ста четвертей доброй, угожей земли полагалось выставлять вооружённого конного человека. Для дальнего похода требовался и второй конь. Кто мог выставить больше положенного, получал дополнительное жалованье. Кто держал землю, но не нёс соответствующей службы, должен был возместить недостающую повинность деньгами. На бумаге это выглядело справедливее прежних порядков.

Богатому землевладельцу уже труднее было оправдывать недостаток людей, а бедный получал основание требовать, чтобы его положение оценивали по действительному состоянию владения. Но между установленной мерой и человеческим хозяйством оставалось множество обстоятельств, которые невозможно было уместить в одну строку.

— Прежнюю службу пока оставь, — решил Матвей. — До осмотра не прибавлять. И не освобождать без решения.

Лука записал. Затем осторожно спросил:

— А государь велел скорее новые книги закончить.

— Велел.

— Из уездов опять жалобы пойдут.

Матвей посмотрел на груду бумаг.

— Уже идут.

Он передал подьячему грамоту и взял следующую. За окном темнело. В Кремле заканчивался очередной день, а в приказных избах ещё долго горели светильники. Люди продолжали переписывать имена, считать землю, разбирать старые споры и определять обязанности тех, кто находился за сотни вёрст от Москвы. Матвей снова взглянул на имя Савелия Нечаева. Он помнил его ещё по казанским делам.

И теперь хотел понять, не станет ли государева попытка навести порядок новой тяжестью для человека, который и прежде не уклонялся от службы.

В Коломенском уезде первый снег выпал рано. Он лёг на подмёрзшие борозды, прикрыл старую траву возле ручья и задержался между корнями на недавно расчищенном участке. Днём снег немного подтаивал, а к вечеру превращался в тонкую ледяную корку. Земля ещё не промёрзла глубоко, но пахать её уже было поздно. Савелий Нечаев стоял возле нового поля и смотрел на оставленные пни.

За последние два года он успел расчистить часть пожалованной земли. Там, где прежде поднимались молодые берёзы и ольха, теперь лежали широкие полосы тёмной пашни. Осе-

нью на них уже собрали первый скромный урожай. Но дальше начиналась низина, заросшая кустарником. Весной здесь долго стояла вода, летом земля просыхала только возле верхнего края, а осенью к ручью невозможно было подойти без высоких сапог. В старой выписке эту низину называли пригодной к обработке.

Савелий уже не раз пытался понять, кто мог так её описать. Рядом стоял Данилка. Он заметно вырос за последние годы. Теперь сын почти доставал отцу до плеча, уверенно держался в седле и мог самостоятельно управиться с хозяйственной телегой. Однако Савелий ещё не считал его достаточно опытным для всякой работы.

— Здесь весной опять вода будет, — сказал Данилка.

Отец кивнул.

— Будет.

— Тогда зачем кусты рубили?

— Хотел посмотреть, нельзя ли канаву провести.

Молодой человек подошёл к краю низины. Под снегом хлюпнула вода.

— Отсюда?

— Отсюда к ручью.

Данилка осмотрел склон.

— Она ведь обратно сюда потечёт.

Савелий усмехнулся. Сын говорил верно. Земля у ручья поднималась не так, как казалось издали. Чтобы осушить участок, потребовалось бы прорыть длинную канаву и укрепить её берега. Одному хозяйству такая работа была не под силу.

— Значит, пока оставим, — решил Савелий.

Он хотел уже возвращаться, когда заметил возле старой межи свежий след от топора. Кто-то срубил небольшую ольху и уложил её поперёк канавы. Савелий подошёл ближе. На стволе оставалась светлая древесина.

— Это кто делал?

Данилка посмотрел.

— Не знаю.

— А вчера видел?

— Вчера здесь не был.

Нечаев нахмурился. Ольха лежала именно там, где проходила спорная граница. Старые межевые признаки за несколько лет изменились. Один камень ушёл в землю, другой оказался скрыт кустарником. Межевой столб давно сгнил. Теперь соседи всё чаще спорили, где заканчивается их покос и начинается новое пожалование Нечаева. Сам Савелий не хотел ссориться. Но и уступать землю, за которую государь теперь будет требовать службу, не собирался.

— Пойдём домой, — сказал он.

Данилка удивился.

— А дерево?

— Пусть лежит.

— Чужое ведь.

— Потому и не трогай.

Савелий ещё раз осмотрел место. Потом повернулся к дороге. Ему уже было ясно, что без нового межевания спор не кончится.

Олена встретила их возле амбара. Она пересыпала овёс из одного ларя в другой, отделяя зерно, предназначенное для посева, от корма для лошадей. Работа требовала внимания. После осенней просушки часть овса оказалась сыроватой, и теперь женщина боялась, что он начнёт портиться. Увидев мужа, она поставила деревянную меру.

— Досмотрели?

— Досмотрели.

— И сколько доброй земли вышло?

Савелий снял рукавицы.

— Пока столько, сколько уже пашем.

Олена выпрямилась.

— А остальное?

— Кустарник. Низина. Да у ручья межа опять спорная.

Она помолчала.

— Значит, пожаловали нам то, что ещё самим делать надобно.

— Не всё такое.

— Не всё, — согласилась жена. — Но платить за всё уже требуют.

Савелий придержал край стола, когда Олена заговорила о запасах. Зерна, отложенного для посева, и без того оставалось впритык.

— Пока не требуют.

— Пока.

Она вернулась к овсу. Муж подошёл и помог поднять тяжёлый мешок. Вместе они пересыпали зерно, затем закрыли ларь деревянной крышкой. Данилка ушёл к конюшне. Олена проводила его взглядом.

— Он опять про службу спрашивал?

Савелий удивился.

— Откуда знаешь?

— Третий день седло чистит.

Муж невольно улыбнулся. Сын действительно всё чаще интересовался военным делом. Раньше это было детское любопытство. Теперь Данилка расспрашивал о порядке полков, о конском снаряжении, о том, сколько людей должен привести в поход служилый человек. Олена относилась к этим разговорам без прежнего терпения.

— Ему бы хозяйство выучить, — сказала она. — А он всё о походах.

— Хозяйство тоже учит.

— Учит, пока ты рядом.

Савелий не ответил. Он понимал, что скоро сыну придётся определять собственное место в жизни. По происхождению Данилка принадлежал к служилому сословию. Отцовский конь, оружие и поместье с детства казались ему естественными признаками будущей службы. Но Савелий уже знал, насколько дорогими бывают эти признаки. Буран старел. После казанских походов конь несколько раз хромал, и теперь требовал бережного обращения. Старое седло удалось исправить, но железные части снаряжения снова нуждались в работе кузнеца.

Даже если Данилка получит право выйти на службу, потребуется новый конь. А на его покупку денег не было.

— Мне бы сперва с собственным окладом разобраться, — произнёс Савелий.

Олена закрыла амбар.

— Разберись.

Она не сказала, что ждёт от мужа решения. Но по голосу было ясно: теперь она не согласится на очередной поход, после которого семья снова останется с долгами и недоделанной пашней.

Зимой Савелия вызвали в Коломну. Он приехал вместе с Лаврентием Глебовым. Они встретились на дороге, возле старой мельницы. Глебов возвращался от родственников и тоже получил распоряжение явиться на разбор служебных окладов. За последние годы Лаврентий стал заметно тяжелее. После Казанского похода его раненое плечо иногда болело на холоде, хотя в обычные дни он почти не жаловался. Он по-прежнему хорошо держался в седле, имел несколько дворовых людей и мог снарядить больше одного конного воина.

Но теперь новые правила касались и его.

— Слышал? — спросил Глебов, когда они выехали на большую дорогу.

— О чём?

— С земли по новой мере считать будут.

— За тем и вызывают.

Лаврентий усмехнулся.

— У меня земли много. И людей при мне немало. А теперь опять станут проверять, кого на каком коне вывожу.

Савелий поправил ремень на седле, прежде чем отвечать товарищу. За словами о службе неизменно вставал вопрос, на чём и с какими запасами выходить в полк.

— Ты ведь и прежде не один служил.

— Не один. Только прежде воевода видел, что служу исправно. А теперь каждому человеку место в книге назначат. И за всякого спросить могут.

— Разве плохо?

Глебов повернул голову.

— Для дела, может, и хорошо. Только коня ведь не из записи кормят.

Савелий понял. Он сам постоянно сталкивался с этой трудностью. Лаврентий продолжил:

— У меня один человек с прошлого похода раненый. Другой недавно умер. Его сына ещё учить надо. А по земле выходит, будто я всех людей уже держу готовыми.

— Запас есть?

— Есть. Только запас не бесконечный.

Они некоторое время ехали молча. Впереди показались коломенские стены. Возле въезда стояли подводы, гружённые сеном и дровами. На дороге образовалась очередь. Стража проверяла приезжих, требовала назвать имена и причину прибытия. Глебов кивнул на город.

— Вот и начнут нас считать.

Савелий поправил повод Бурана.

— Пусть считают верно.

Лаврентий усмехнулся.

— Вот этого я больше всего и боюсь.

В палате при уездном дворе было тесно. Служилые люди прибывали с самого утра. Одни привели коней для осмотра, другие оставили животных возле постоялых дворов и теперь ждали вызова. Люди переговаривались, сравнивали земельные оклады, вспоминали прежние походы. В комнате находился Семён Черняев. Савелий узнал его сразу. Несколько лет назад этот дьяк уже приезжал разбирать земельные дела в Коломенском уезде. Именно с ним Нечаев осматривал старую Климовскую пустошь и Медвежий Лог. Теперь Черняев выглядел старше.

Под глазами появились глубокие складки. Волосы у висков заметно поседели. Но говорил он по-прежнему спокойно и не позволял людям перебивать друг друга. Рядом с ним находился Григорий Нелидов. Он разбирал местные выписки. Когда очередь дошла до Нечаева, Черняев поднял голову.

— Савелий Иванов сын?

— Он самый.

— Помню тебя.

Дьяк развернул запись.

— Служил под Казанью?

— Служил.

— Конь?

— Есть.

— Вооружение?

Савелий перечислил. Черняев велел показать снаряжение назначенным людям. Затем перешёл к главному.

— Землю тебе прибавляли?

— Прибавляли.

— Почему о новой мере жалобу подал?

Савелий достал собственную выписку.

— Потому что в ней землю доброй пашней написали, а часть ещё под лесом.

Черняев внимательно посмотрел.

— Ты ведь сам прибавки просил.

— Просил земли, чтобы служить.

— И получил.

— Получил. Только она хлеба пока не даёт.

В комнате кто-то усмехнулся. Один из служилых людей заметил, что всякая земля сперва труда требует. Савелий повернулся.

— Требует. Я и работаю. Только коня кормить нынче надобно, а не после того, как кусты выкорчую.

Черняев поднял руку, прекращая разговор.

— Покажи, где именно спор.

Савелий указал на границы, назвал ручей, старый межевой камень и место, где весной стояла вода. Нелидов внимательно слушал.

— Там низко, — подтвердил он.

— Значит, знал? — спросил Черняев.

— Знал, что низко. Но осенью сухо было.

Савелий с трудом сдержал раздражение.

— Осенью и болото сухим бывает.

Дьяк не стал спорить. Он попросил перечислить, сколько земли уже обрабатывается, сколько остаётся под лесом и какие участки используются для покоса. Потом спросил о хозяйстве.

— Дворов сколько?

Савелий назвал.

— Людей рабочих?

Он ответил.

— Сколько в нынешнем году хлеба собрали?

Нечаев замялся. Он понимал, что всякое названное количество может быть истолковано против него. Если покажет урожай большим, решат, что земля даёт хороший доход. Если назовёт меньшим, могут заподозрить обман. Черняев заметил его колебание.

— Не утаивай. Мы не урожай у тебя отнимать приехали.

Савелий назвал приблизительное количество. Нелидов записал. Затем дьяк попросил показать прежние расходы на службу. Савелий перечислил: корм для Бурана, железо для оружия, ремонт седла, покупка дорожных припасов, подковы, найм помощи во время отсутствия. Часть этих расходов ещё можно было подтвердить свидетельствами. Другие оставались только в памяти. Черняев слушал. Потом произнёс:

— Не один ты такой.

Савелий поднял голову.

— Знаю.

— Государев порядок для всех установлен. С поместий и вотчин одинаково службу спрашивать будут.

— Так я и не отказываюсь.

— А чего хочешь?

Савелий немного помолчал.

— Чтобы не записали за мной того, чего в земле нет.

Черняев внимательно посмотрел на него. Потом отложил перо.

— Это проверить можно.

Он велел назначить выезд. Но прежде потребовал показать коня.

Во дворе стоял холод. Служилые люди водили животных по утоптанному снегу. Назначенные смотрельщики осматривали сбрую, оружие и доспехи, проверяли состояние коней. Буран шёл спокойно. Но когда Савелий заставил его повернуть на месте, конь заметно берёг переднюю ногу. Один из смотрельщиков нахмурился.

— Хромает.

— Старая боль.

— Для похода годен?

Савелий опустил глаза к ноге.

— Сейчас годен. Только дальнюю дорогу беречь надо.

— Дальняя дорога коня не бережёт.

Нечаев не ответил. Это была правда. Смотрельщик попросил провести Бурана ещё раз. Савелий подчинился. Конь сделал несколько шагов ровно, затем слегка прихромнул. Лаврентий Глебов, наблюдавший неподалёку, подошёл ближе.

— Он ведь под Казанью ходил, — сказал он. — Хороший конь.

Смотрельщик пожал плечами.

— Тогда ходил. А сейчас смотреть надо.

Савелий почувствовал неприятный холод. Он не боялся признать, что Буран стареет. Но если коня сочтут негодным, придётся искать другого. Даже денежное жалованье не решит эту беду сразу. Смотрельщик записал состояние животного и велел Нечаеву привести его на повторный осмотр после отдыха и лечения. Это ещё не было отказом. Но и прежней уверенности уже не оставляло. Когда они вышли за ворота, Лаврентий спросил:

— Есть у тебя другой?

Савелий покачал головой.

— Нет.

— Тогда тяжело.

— Знаю.

Глебов некоторое время молчал. Потом произнёс:

— Я могу коня дать на время.

Нечаев повернулся.

— У тебя самого служба.

— У меня несколько.

— Потому и не возьму без уговора.

Лаврентий кивнул. Он понимал товарища. Чужой конь означал не только помощь, но и новый долг. Если животное погибнет, кто станет возмещать потерю? А если хозяину самому понадобится запасной конь?

— Пока не решай, — сказал Глебов. — Погляди, как Буран оправится.

Савелий согласился. Он был благодарен. Но понимал, что одной доброй воли для продолжительной службы недостаточно.

Через несколько дней из Москвы пришло новое распоряжение о поместных и вотчинных службах. Теперь в уездах требовали внимательнее различать действительное состояние земель и число людей, которых землевладельцы способны вывести в полк. Проверяли не только общую площадь владений, но и состав вооружения, коней, прежнюю службу и готовность к будущим походам. Семён Черняев собрал местных помощников.

— Будем смотреть не только книги, — распорядился он. — И землю саму.

Нелидов поднял глаза.

— Зимой?

— Пока дороги держат. Потом распутица начнётся.

— В лесу снег.

— Снег не мешает старые межи видеть, коли знаешь место.

Так решили выехать к нескольким спорным владениям. Первым назначили участок Савелия Нечаева.

В Москве тем временем Иван Васильевич принимал сведения о новой служебной росписи. На столе лежали выписки из разных уездов. Царь листал их внимательно. Некоторые записи вызывали удовлетворение. Там, где прежде крупные землевладельцы являлись на службу с недостаточным числом людей, теперь обнаруживалась возможность требовать большей вооружённой силы. В других местах выяснялось, что несколько мелких служилых дворов едва могли содержать положенных коней. Адашев стоял возле стола. Висковатый разбирал грамоты.

Матвей Лазарев приготовил новые сведения.

— Снова о земле? — спросил Иван, увидев толстую связку.

— О службе с земли, государь.

— Разве ещё не установили?

— Установили меру. Теперь по ней людей разбирают.

Царь взял первую запись. Речь шла о богатом вотчиннике, за которым числились обширные владения. Но в последнем походе он привёл значительно меньше вооружённых людей, чем мог содержать по размеру земли. Иван нахмурился.

— Землю держит?

— Держит.

— Доход получает?

— Получает.

— А людей где?

Матвей объяснил, что владелец ссылался на недостаток исправных коней и давние расходы. Царь положил грамоту.

— У кого земли много, у того всегда причины найдутся, отчего людей нет.

Адашев осторожно заметил:

— Не всякий недостаток от лени, государь.

— А кто о ленивых говорит? Я спрашиваю, отчего земля за ним записана, а службы с неё нет.

Советник не стал спорить. Он понимал желание царя. Русское государство за последние годы значительно расширилось. Казань и Астрахань требовали гарнизонов. Южные границы по-прежнему оставались опасными. На западных рубежах тоже возникали новые заботы. Одной победой под Казанью нельзя было обеспечить безопасность всей державы. Нужны были люди. Вооружённые, обученные, способные являться в полки без долгой подготовки. Для этого требовалась более точная служебная роспись. Но Адашев видел и другую сторону.

— Если всех по одной мере считать, — произнёс он, — надобно смотреть, какую землю каждый держит.

Иван поднял голову.

— Затем и меряем.

— В книгах добрая пашня написана. А на месте лес или сырость. Иные дворы вовсе пустые.

Царь задумался. Ему уже приходилось слышать подобные жалобы. Но теперь, когда принимали новые правила, каждая неточность могла превратиться в постоянную обязанность.

— Кто землю неверно записывает? — спросил он.

Матвей ответил:

— По-разному бывает. И старая мера неверна. И межи изменились. И люди иногда нарочно показывают землю больше либо меньше.

— А как различить?

— Смотреть на месте.

Иван усмехнулся.

— Значит, опять по всей земле ездить.

— Придётся.

Царь несколько раз прошёл по палате. Потом остановился возле окна. На дворе служители вели лошадей к конюшням. После недавнего снега земля стала скользкой. Один конюх остановился и осторожно очистил копыто животного, прежде чем продолжить путь. Иван наблюдал. Он вспомнил собственные походы. Сколько коней погибало на дорогах. Сколько людей оставалось пешими. Сколько денег требовалось, чтобы привести в движение даже не самое большое войско.

— Если служилый человек коня не имеет, — произнёс он, — в полку от него мало пользы.

— Верно, государь.

— А если он землю держит, да коня купить не может?

Адашев помедлил.

— Надобно разбирать, почему.

Иван повернулся.

— Вот и разбирать. Только так, чтобы к следующей службе конь был.

Матвей записал. Царь снова сел к столу. На следующем листе находилась выписка из Коломенского уезда. Иван прочитал имя.

— Нечаев.

Матвей кивнул.

— Савелий Иванов сын.

— Помню. О земле просил.

— Ему прибавили. Теперь новый спор.

Иван внимательно изучил запись. Там говорилось о пожалованной земле, заросших участках, спорной меже и необходимости определить действительную меру пашни.

— Служил исправно?

— По прежним книгам исправно. Под Казанью был.

— А теперь что просит?

— Чтобы землю осмотрели прежде нового расчёта.

Иван задумался. В этом требовании не было ничего необычного. Но теперь оно касалось самой основы нового порядка. Если государь хотел, чтобы каждый человек служил по земле, необходимо было знать не только имя владельца, но и то, какую землю тот действительно получил.

— Пусть смотрят, — распорядился царь.

— Уже посланы люди.

— И пусть не одну жалобу читают. Землю увидеть надобно.

Матвей поклонился. Иван вернулся к другим делам. Но вскоре снова спросил:

— У него сын есть?

Дьяк заглянул в запись.

— Есть.

— Возраст какой?

Матвей назвал приблизительный возраст по прежним сведениям. Царь кивнул.

— Скоро сам служить станет.

Висковатый поднял глаза. Иван продолжил:

— Значит, одному двору две службы держать придётся.

Адашев осторожно ответил:

— Если землю и жалованье дадут.

Царь посмотрел на него.

— А коли не дадим?

Советник не ответил. Иван снова опустил взгляд на бумаги. Он понимал, что государственная мера должна быть общей. Но теперь перед ним всё чаще возникали люди, чьи возможности не укладывались в эту общую меру.

Осмотр Нечаевского участка начался в холодное утро. Семён Черняев приехал с Григорием Нелидовым, двумя помощниками, землемером и несколькими местными людьми, знавшими прежние границы. Савелий встретил их возле двора. Олена заранее приготовила горячую воду и хлеб, но гости отказались садиться за стол. Черняев хотел закончить работу до вечера.

— Сначала межи, — сказал он. — Потом всё остальное.

Они направились к новому полю. Снег уже местами стаял. На пригорках открылась тёмная земля. В низинах он лежал плотными серыми полосами. Под ногами хлюпала вода. Землемер нёс мерную верёвку. Помощники — колья и инструменты. Савелий показывал старые признаки. Сначала работа шла спокойно. Но у ручья их встретили двое крестьян из соседнего владения. Они сообщили, что часть спорного покоса издавна принадлежит другому двору и что Нечаевские люди осенью зашли за прежнюю межу. Савелий нахмурился.

— Мы там не косили.

— Куст рубили.

— Куст рубили на своей земле.

Один из крестьян указал на старый камень.

— Межа отсюда шла.

Савелий покачал головой.

— Не отсюда. От большой сосны.

— Сосны давно нет.

— Пень остался.

Нелидов попросил показать место. Они прошли несколько десятков шагов. Возле сырого склона действительно находился старый широкий пень. Древесина почти сгнила, но в земле ещё сохранялись большие корни. Крестьянин остановился.

— Не та сосна.

Савелий почувствовал раздражение.

— Сколько лет здесь живёшь?

— Всю жизнь.

— Тогда и сосну помнить должен.

— Помню другую.

Черняев поднял руку.

— Довольно.

Он потребовал назвать свидетелей прежней межи. Нашлось несколько человек. Но их показания расходились. Одни утверждали, что граница проходила по сухому склону. Другие вспоминали старую тропу возле ручья. Третьи не могли точно сказать, поскольку за последние годы лес сильно изменился. Землемер осмотрел местность. Затем попросил принести прежние выписки. Нелидов развернул бумаги. Они начали сверять.

Выяснилось, что в старой записи один из поворотов межи был обозначен по дереву, которого уже не существовало. В новой выписке этот признак перенесли на соседний ориентир, не удостоверившись, что речь идёт о том же месте. Ошибка могла оказаться случайной. Но теперь из-за неё спорили два хозяйства. Черняев велел временно не пользоваться спорным покосом

до окончательного решения. Савелий хотел возразить. Но удержался. Он уже понимал, что любое поспешное движение только осложнит дело.

Данилка, стоявший рядом с отцом, тихо спросил:

— Значит, опять землю отберут?

Нечаев посмотрел на сына.

— Ещё ничего не отбирают.

— А работать там можно?

— Пока нет.

Данилка отвернулся к полю, потому что не хотел, чтобы проверяющие видели его лицо. Весной он тащил с отцом мокрые корни, обдирал ладони о верёвку, а теперь не мог даже показать, где кончалась их работа и начиналась соседская земля. Он заметил на колу знакомую зарубку: сам сделал её, когда ставили межу. Рядом с зарубкой чернела свежая отметина от другого топора. Данилка шагнул к колу, но Савелий придержал его за рукав и молча указал на землемера. Молодой человек стиснул зубы. Отец тоже увидел чужую метку. Ему хотелось спросить, кто имел право её поставить, однако сперва следовало дождаться измерения: если сорвать кол сейчас, доказательство исчезнет. Савелий запомнил место и отпустил сына только тогда, когда тот перестал рваться вперёд.

Когда проверяющие добрались до низины, работа замедлилась. Землемер несколько раз пытался пройти ближе к ручью, но вода под ногами выступала даже сквозь тонкий снег. Черняев остановился.

— Это пашня?

Савелий посмотрел на него.

— По книге пашня.

Дьяк нахмурился.

— Я тебя не по книге спрашиваю.

— Сейчас не пашня.

Они прошли вдоль края. Возле дальнего склона росли низкие ольхи. Между ними виднелись старые пни. Несколько лет назад кто-то пытался расчистить участок, но работа осталась незаконченной. Нелидов присел, взял горсть земли и растёр между пальцами. Она была тяжёлой и влажной.

— Осушить можно, — произнёс он.

Савелий кивнул.

— Можно.

— Тогда пригодится.

— Когда осушим.

Черняев посмотрел на него.

— Сколько работы?

Савелий объяснил. Потребуется прорыть канаву, убрать кустарник, выкорчевать пни, укрепить проход к ручью и хотя бы один год дать земле просохнуть. При хорошем урожае затраты могли постепенно оправдаться. Но пока участок не приносил хлеба.

— И всё это сам сделаешь? — спросил дьяк.

— Если людей найму.

— На что?

Савелий не ответил сразу. Потом сказал:

— На то, что с хорошей земли останется.

Черняев кивнул. Он записал сведения. Теперь низину предстояло учитывать иначе, чем в прежней выписке. Но окончательного решения на месте ещё не принимали. Проверка продолжалась. Осмотрели пашню, старые луга, крестьянские дворы и хозяйственные постройки. К вечеру все устали. Землемер несколько раз сверял записи. Нелидов спорил с местными сви-

детелями. Савелий отвечал на вопросы. Данилка помогал переносить инструменты. Когда они наконец вернулись к Нечаевскому двору, солнце уже опускалось за деревья.

Олена встретила гостей возле избы. Она предложила горячей похлёбки. На этот раз Черняев согласился. Люди уселись за стол. Некоторое время ели молча. Потом дьяк спросил:

— Кто у вас на новом участке работал?

Савелий начал перечислять. Олена остановила его.

— Не всех назвал.

Муж посмотрел на неё. Она напомнила о двух работниках, которых нанимали во время его отсутствия, о соседской помощи и о нескольких днях, когда расчисткой занимались она сама с Данилкой. Черняев поднял голову.

— Ты сама?

— А кто же ещё?

Дьяк невольно улыбнулся.

— Тяжёлая работа.

— Не тяжелее, чем потом зиму без хлеба сидеть.

Савелий почувствовал смущение. Он привык рассказывать о хозяйстве как о собственном деле. Но теперь особенно ясно видел, сколько работы выполнялось без него. Черняев попросил подробнее объяснить расходы. Олена достала хозяйственные записи. Они были сделаны не слишком ровно. Некоторые суммы обозначались зарубками на деревянных метках, другие — простыми словами. Для части долгов сохранялись отдельные расписки. Дьяк внимательно посмотрел.

— Сама считала?

— Сама.

— Читать умеешь?

— Немного. Где не разберу, муж объясняет.

Олена разложила записи. Показала, сколько зерна пришлось оставить на посев, сколько отдать работникам, сколько купить для коня и сколько занять у соседей на время весенней пахоты. Черняев слушал. Вскоре он заметил, что расходы на расчистку нового участка почти полностью съели доход от первого урожая.

— Получается, прибавка пока не прибавила достатка, — произнёс он.

Олена посмотрела на него.

— Земля сама по себе хлеба не даёт.

Дьяк кивнул. Эта простая мысль подтверждала то, что он видел весь день. Но теперь услышал её от женщины, которая в государственных списках вообще не значилась участницей службы. Черняев осторожно сложил записи.

— Всё это учтём.

Олена посмотрела на него.

— А весной опять людей возьмут?

Он не сразу понял.

— Каких?

— Мужей. Сыновей. Кто землю пашет.

Дьяк отложил лист.

— Государева служба не отменяется.

— Я и не прошу отменять.

Она помедлила.

— Только когда их забирают, пахота остаётся. А в книгах потом пишут, будто земля пустует.

Черняев долго смотрел на женщину. Потом произнёс:

— Запишем, сколько у вас земли обрабатывается и сколько людей в доме работает.

Он не мог обещать ничего большего. Но и оставлять сказанное без внимания не хотел.

Весной Савелий снова отправился в Коломну. Теперь пришло время окончательного разбора. Снег почти сошёл. Дороги стали тяжёлыми. Возле болотистых мест колёса вязли в грязи, и иногда требовалось выпрягать лошадей, чтобы вытянуть телегу на сухое место. Буран шёл осторожно. После зимнего отдыха его нога заметно поправилась, но Савелий по-прежнему избегал тяжёлых переходов. В Коломне он встретил Кирилла Климова. Сын умершего служилого человека теперь был уже взрослым.

Несколько лет назад Савелий видел его возле старой Климовской пустоши, когда мать, Матрёна, пыталась сохранить землю для семьи. Тогда Кирилл ещё не имел ни исправного коня, ни полного вооружения. Теперь он явился на разбор собственной службы. На нём был старый, тщательно вычищенный кафтан. У пояса висела сабля, доставшаяся от отца. Конь выглядел худым, а седло было заметно старше самого хозяина. Савелий остановился.

— Кирилл?

Молодой человек повернулся. Сначала не узнал. Потом улыбнулся.

— Савелий Иванович!

Они поздоровались. Нечаев осмотрел коня.

— Твой?

Кирилл кивнул.

— Мой. С матерью собирали.

— Хорош?

— Смирный. Только к долгой дороге ещё не привык.

Савелий провёл ладонью по конской шее. Животное выглядело утомлённым после перехода.

— А земля?

Лицо Кирилла сразу изменилось.

— Пока за нами.

— Значит, оставили?

— Часть подтвердили. За остальное ещё разбирательство.

Нечаев кивнул. Он помнил этот спор. Тогда решил не добиваться немедленного пожалования Климовской земли, пока не разберут права вдовы и детей. Теперь Кирилл уже сам становился служилым человеком. Но положение семьи оставалось непрочным.

— Матрёна здорова?

— Здорова. Дуня тоже.

Молодой человек помедлил.

— Мать о вас спрашивала.

Савелий удивился.

— Обо мне?

— Говорила, что тогда не стали нашу землю требовать.

Нечаев отвёл глаза.

— Не моя она была.

Кирилл хотел что-то сказать. Но рядом раздался голос служителя, вызывавшего людей на смотр. Они направились к палате.

В этот день на разборе присутствовали и бедные дети боярские, и люди со значительными владениями. Различие между ними было заметно сразу. Одни являлись с несколькими вооружёнными людьми, запасными лошадьми и полным снаряжением. Другие приводили одного коня и тщательно следили, чтобы никто не заметил изношенных ремней или старых доспехов. Некоторые пытались скрыть недостатки. Другие заранее готовились к неприятным вопросам. Лаврентий Глебов оказался среди первых. Он привёл нескольких дворовых людей.

Но одного из них не смог представить в прежнем вооружении: после зимней болезни человек ещё не оправился. Смотрельщик сделал отметку. Глебов нахмурился.

— Выздоровеет.

— К службе когда?

— К лету.

— Тогда летом и покажешь.

Лаврентий не стал спорить. Однако Савелий видел, что товарищ раздражён. После осмотра Глебов подошёл к нему.

— Записали недостачу.

— Человека?

— Человека. А он ведь не умер и не сбежал. Болен.

— Так покажешь, когда поправится.

— Покажу. Только теперь и за время болезни спрашивать могут.

Савелий промолчал. Он понимал, что богатство не избавляет человека от служебных обязанностей. Но и не считал положение Лаврентия таким же, как собственное. У Глебова оставались другие люди. Другие кони. Более крепкое хозяйство. Если один человек заболевал, остальные могли продолжать работу. У Савелия такой возможности почти не было.

Когда пришла очередь Кирилла, возникли затруднения. Конь был осмотрен. Снаряжение — тоже. Но сведения о земельном владении семьи оставались неполными. В старой книге часть земли значилась за покойным Фёдором Климовым. В новой — за его наследниками, ещё не окончательно определёнными к самостоятельной службе. Теперь Кирилл заявлял, что готов служить сам. Однако требовалось решить, с какой земли и в каком окладе. Семён Черняев внимательно выслушал. Спросил:

— На чьё имя поместье записано?

Кирилл назвал отца.

— А после смерти?

— Матери оставили до моего возраста.

— На какую часть грамота есть?

Молодой человек достал старую выписку. Дьяк рассмотрел. Затем попросил другую. Кирилл побледнел.

— Другой нет.

Черняев нахмурился.

— Без решения всё поместье за тобой написать не могу.

— А служить?

— Службу разберём.

Молодой человек сжал кулаки.

— Выходит, служить должен, а землю получить не могу?

В комнате стало тихо. Несколько человек повернулись. Черняев посмотрел на Кирилла.

— Не кричи.

Тот опустил голову. Но не отступил.

— Государю я служить готов. Коня привёл. Оружие есть. А дома мать и сестра. Землю отнимут — чем им жить?

Савелий почувствовал неприятную тяжесть. Слова молодого человека напомнили ему собственные прежние разбирательства. Теперь он особенно ясно видел, что новый порядок не устраняет всех старых несправедливостей. Он лишь заставляет их быстрее проявляться. Черняев некоторое время изучал бумаги. Потом сказал:

— Землю без разбора не отнимут. Но и всего за тобой нынче не запишу. Прежние выписки проверить надо.

Кирилл открыл рот, собираясь возразить. Савелий осторожно коснулся его плеча.

— Подожди.

Молодой человек повернулся. Нечаев спросил дьяка:

— Можно слово сказать?

— Говори.

— Я эту землю смотрел, когда мать его ещё одна хозяйство держала. Тогда при вас был.

Черняев поднял голову.

— Помню.

— Там пашня есть. И дворы стоят. Не пустошь.

— Знаю.

— Так пусть прежде разберут, что за Кириллом, а что за матерью на прожиток оставлено. А потом уж службу с земли считают.

Нелидов хотел что-то возразить. Но Черняев остановил его.

— Верно говорит.

Он велел отложить дело до дополнительной проверки прежних пожалований. Кириллу назначили временный порядок явки и потребовали вновь представить коня и вооружение после завершения земельного разбора. Молодой человек выслушал. Он не получил всего, чего хотел. Но теперь хотя бы понимал, что его не собираются немедленно лишать земли. Когда они вышли из палаты, Кирилл долго молчал. Потом произнёс:

— Опять ждать.

Савелий посмотрел на него.

— Ждать.

— Сколько?

— Не знаю.

Молодой человек с досадой ударил ладонью по седлу.

— Я уже взрослый.

— Вижу.

— А меня всё как малого держат.

Савелий остановился.

— Малого за землю не спрашивали бы. А тебя спрашивают.

Кирилл поднял голову. Нечаев продолжил:

— Теперь сам придётся за каждый двор отвечать. За коня. За людей. За пахоту. И за службу.

Молодой человек задумался. Вскоре они расстались. Савелий ещё некоторое время смотрел ему вслед. Он подумал о Данилке. Тот тоже скоро окажется перед подобными требованиями. И отец не сможет избавить его от всех разбирательств, даже если очень захочет.

Собственное дело Нечаева разрешилось не сразу. Из Москвы пришло подтверждение, что спорный участок должен быть осмотрен повторно, а земли, пока не приведённые в хозяйственное состояние, нельзя без разбора учитывать наравне с доброй пашней. Но и это не освобождало Савелия от прежней службы. Ему подтвердили обязанность являться с конём и исправным вооружением. Сведения о прибавленной земле велели уточнить, а спорную межу оставить до окончательного решения. Савелий выслушал. Потом спросил:

— Значит, всё пока по-старому?

Черняев покачал головой.

— Не совсем.

— А как?

Дьяк показал на запись.

— Прежнюю службу за тобой оставили. Новую землю будут считать по действительному состоянию. Где добрую пашню подтвердят, оттуда и меру определят. Где не подтвердят — отдельно разбирать станут.

Савелий задумался.

— А когда расчистим низину?

— Тогда и покажешь.

— И службы прибавят?

Черняев посмотрел на него.

— По тому, сколько земли станет.

Нечаев медленно кивнул. Он получил именно то, о чём просил. Землю не признали доброй пашней раньше времени. Но теперь особенно ясно понимал, что всякое улучшение хозяйства изменит не только доходы, но и будущие обязанности. Расчистит поле. Соберёт хлеб. Сможет лучше содержать коня. А государева книга потребует учитывать прибавку. Черняев заметил его задумчивость.

— Недоволен?

Савелий оторвался от подсчётов.

— Доволен, что верно посчитали.

— А чем недоволен?

Нечаев помолчал. Потом ответил:

— Землю мне для службы дали. А сколько её ни улучшаю, всё будто должен остаюсь.

Дьяк внимательно посмотрел на него.

— Поместье ведь не вотчина.

— Знаю.

— Его за службу держат.

— И это знаю.

Савелий взял грамоту. Он не хотел продолжать спор. Черняев тоже не стал задерживать. Оба понимали, что дело выходит за пределы одного поместного разбора.

Когда Савелий вернулся домой, Олена работала возле нового поля. Она вместе с Данилкой и двумя соседскими людьми пыталась очистить небольшой участок от оставшихся корней. Земля уже достаточно просохла. До весеннего сева оставалось немного времени. Увидев мужа, Данилка бросил инструмент.

— Ну что?

Савелий спешился.

— Службу подтвердили.

— А землю?

— Будут считать по доброму месту. Низину пока отдельно оставили.

Олена подошла ближе.

— Значит, прибавки людей не потребовали?

— Пока нет.

Она заметно облегчённо вздохнула. Но вскоре спросила:

— А спорная межа?

— Ещё разбирать будут.

Жена посмотрела на поле. Потом на корни, лежавшие возле канавы.

— Значит, здесь можно работать?

— Здесь можно.

Олена кивнула.

— Тогда хватит стоять.

Она указала на тяжёлый пень, который работники никак не могли сдвинуть. Савелий улыбнулся. Снял кафтан. Подошёл. Вместе с Данилкой и соседями они поддели пень длинной жердью. Дерево не сразу поддалось. Корни держались крепко. Пришлось подкопать землю, перерубить несколько толстых отростков и снова налечь на рычаг. Наконец пень качнулся. Данилка вскрикнул.

— Пошёл!

Савелий упёрся ногой. Работники налегли сильнее. Пень медленно вышел из земли. Они оттащили его к краю поля. Все тяжело дышали. Данилка вытер лицо рукавом.

— Теперь пахать можно.

Олена осмотрела место.

— Ещё камни убрать.

Сын застонал. Савелий рассмеялся. Но работа действительно не закончилась. Они начали собирать камни. К вечеру расчистили достаточно широкую полосу, чтобы на следующий день попробовать пройти по ней плугом.

В Москве тем временем продолжали разбирать служебные книги. Матвей Лазарев принёс Ивану Васильевичу новые сведения. Часть дел удалось решить. Другие требовали повторных проверок. Некоторые землевладельцы уже заявляли, что новая мера несправедлива к ним. Кто-то не хотел выставлять лишних людей. Кто-то просил уменьшить оклад. Другие требовали денежного жалованья, поскольку содержали больше вооружённых людей, чем полагалось по земле. Иван слушал.

Его всё чаще раздражало, что после принятия общего порядка количество жалоб не уменьшается.

— Разве прежде лучше было? — спросил он.

Адашев ответил:

— Не лучше, государь. Только прежде каждый своим порядком служил. Теперь меру для всех назначили.

— Для всех.

— Для всех.

— Так отчего не исполняют?

Матвей осторожно произнёс:

— Одни не хотят. Другие не могут сразу.

Царь резко поднял голову.

— Не хотят — заставить.

Он помолчал.

— А которые не могут?

Матвей развернул несколько записей. Там находились сведения о бедных детях боярских, об истощённых хозяйствах, о конях, погибших в походах, и о служилых людях, которые после ранений не могли быстро вернуться в строй. Иван внимательно прочитал. Он уже не был тем юношей, который в первые годы самостоятельного правления рассчитывал, что достаточно установить верное правило и всё изменится. Теперь знал, как медленно исполняются государственные решения. Но это знание не делало его терпеливее.

Наоборот, каждое промедление он всё чаще воспринимал как угрозу делу.

— Если человеку жалованье дадим, — произнёс он, — он коня купит?

— Не всегда, государь, — ответил Адашев.

— Почему?

— Хорошего коня купить надобно. А ещё кормить, учить, сбрую готовить. Одним жалованьем сразу не поправишь.

Иван нахмурился.

— Тогда что же? Ждать, пока всякий хозяйство устроит?

Висковатый осторожно вмешался:

— Если не ждать вовсе, многие и того, что имеют, лишатся.

Иван не сразу ответил. Он взял ведомость о службе и прочёл фамилии, против которых стояли отметки о недостающих конях. Для приказной строки причина не имела значения: коня нет — выход к полку ненадёжен. Но Висковатый положил рядом ещё одну выпись, где значи-

лись невыполненные работы на новых поместьях. Царь увидел одно и то же имя в обеих бумагах. Он раздражённо стукнул ногтем по столу: если простить недостачу без разбора, завтра всякий начнёт ссылаться на бедность; если взыскать немедленно, тот, у кого и правда не осталось средств, не сможет выйти вовсе. Иван отодвинул первую ведомость, потребовал принести перечень недавних осмотров и только тогда заговорил:

— Значит, смотреть каждого.

Матвей поклонился.

— Так и делаем.

— Только не превращайте всякую нужду в оправдание. А то и богатые бедными окажутся.

— Будем различать, государь.

Царь вернулся к бумагам. Вскоре он снова наткнулся на имя Савелия Нечаева. Теперь из Коломны пришла окончательная выписка об осмотре земли. Иван прочитал. Потом спросил:

— Службу исправно держит?

— Исправно.

— Конь?

— Старый, но после отдыха годным признан.

— Сын?

— Подрастает. К службе готовится.

Царь кивнул.

— Значит, скоро двое будет.

Матвей осторожно заметил:

— Коли землю и средства на второго дадут.

Иван посмотрел на него.

— Опять земля.

— Опять.

Царь помолчал. Велел сохранить прежнее решение о Нечаевском поместье и не прибавлять к его службе спорную землю, пока она не будет надлежащим образом оценена. Матвей записал распоряжение. Иван взял следующую грамоту. В ней говорилось уже о другом уезде. Других землевладельцах. Других людях. Но вопросы оставались теми же.

В конце апреля Савелий Нечаев впервые вывел плуг на новую полосу. Буран стоял возле сарая. Теперь его берегли для службы. Для весенней работы удалось договориться с соседом о временном пользовании спокойной рабочей лошадью. Взамен Олена обещала помочь его семье после сева, когда начнутся работы на огороде и возле покосов. Савелий не сразу согласился на такой уговор. Ему не нравилось зависеть от чужой помощи. Но жена убедила.

— Бурана на пашне загубишь, — сказала она. — А другого служилого коня нам никто даром не даст.

Теперь Нечаев понимал, что она права. Рабочая лошадь медленно тянула плуг. Данилка шёл рядом. Поначалу борозда получалась неровной. Плуг цеплялся за оставшиеся корни и камни. Несколько раз пришлось останавливаться и исправлять деревянные соединения. Савелий сердился. Но постепенно земля начала поддаваться. Пахота продвигалась. Олена вышла к полю ближе к полудню. Принесла хлеб и воду. Они сели возле изгороди. Данилка ел быстро. После работы он сильно проголодался. Савелий смотрел на свежую борозду.

Земля лежала тёмной влажной полосой. Ещё год назад здесь росли кусты. Теперь можно было сеять.

— Получилось, — произнёс сын.

Отец кивнул.

— Получилось.

Данилка некоторое время молчал. Потом спросил:

— Батя, а когда меня на службу запишут?

Савелий повернулся. Он ожидал этого вопроса. Но всё равно почувствовал неприятное напряжение.

— Когда назначат.

— Я ведь уже могу.

— Верхом держишься хорошо. Это верно.

— И саблей умею.

— Деревянной.

Данилка нахмурился.

— Настоящую тоже держал.

Олена подняла глаза. Савелий осторожно поставил кружку.

— Держать саблю и воевать — разные дела.

— Научусь.

— Научишься.

Сын удивился. Он ожидал очередного отказа. Но отец продолжил:

— Только сначала землю учись держать. Коня беречь. Людей в хозяйстве понимать. А то сядешь в седло, уедешь на службу, а дома всё развалится.

Данилка посмотрел на мать. Она молчала. Потом спросил:

— А ты поэтому всегда возвращаешься?

Савелий не сразу ответил. Вопрос оказался труднее, чем казалось. Он возвращался потому, что здесь находилась семья. Потому, что поместье требовало его рук. Потому, что после всякого похода нужно было снова начинать обычную работу. Но теперь не хотел объяснять сыну то, что тот должен был постепенно понять сам.

— Возвращаюсь, потому что дом мой здесь, — сказал Савелий.

Данилка кивнул. Затем снова посмотрел на поле.

— А если тебя опять пошлют?

Олена отвела глаза. Савелий некоторое время молчал. Потом ответил:

— Тогда вы с матерью продолжите.

Сын задумался. Положил на колени недоеденный хлеб.

— Значит, мне и вправду учиться надо.

Отец кивнул.

— Надо.

После короткого отдыха они снова взялись за работу. На этот раз Данилка попросил разрешить ему самому вести плуг. Савелий уступил. Сначала шёл рядом, поправляя руки сына. Показывал, как держать направление. Как чувствовать сопротивление земли. Когда поднимать железо, чтобы не сломать его о камень. Потом отошёл. Данилка сделал несколько шагов самостоятельно. Борозда слегка ушла в сторону. Но молодой человек сумел выправить. Олена наблюдала с края поля.

Она видела, как сын сосредоточенно работает, как отец идёт следом и иногда подсказывает. И неожиданно подумала, что ещё несколько лет назад Данилка едва мог поднять тяжёлую борону. Теперь он уже становился человеком, которому скоро придётся отвечать за собственные решения. Эта мысль одновременно радовала и тревожила её. Но она не стала ничего говорить. Впереди оставалось ещё много работы. К вечеру вспахали большую часть подготовленного участка. Савелий осмотрел землю. Потом велел заканчивать.

Завтра предстояло проверить семена и начать сев. Данилка отвёл рабочую лошадь. Олена собрала вещи. Савелий задержался возле поля. Он видел тёмные борозды, новые межевые колья и старую низину, где ещё стояла вода. Там по-прежнему требовалось рыть канаву. Возле ручья оставалась неразобранная граница. У дома ждал Буран, которому нужны были хороший корм и забота. А впереди могла начаться новая служба. Савелий достал из-за пояса недавно полученную выписку о поместье и развернул её.

На бумаге значились земля, границы и обязанность являться к государевой службе. Он перечитал несколько строк и провёл пальцем по записи о доброй пашне и вспомнил, сколько дней Данилка вместе с работниками вытаскивал из земли корни. В книге значилась прибавка к поместью; во дворе стоял старый конь, а сын уже просил вывести его на службу. Савелий складывал грамоту медленно: следовало успеть посеять хлеб, прежде чем придётся снова снаряжать людей и коней. Со стороны дома послышался голос Олены. Она звала мужа к ужину. Савелий оглянулся.

Прежде чем уйти с поля, Савелий вернулся к дальней борозде. У края низины плуг вывернул тёмный, липкий ком: весенняя вода здесь ещё не ушла. Нечаев растёр землю между пальцами, вытер руки о полу кафтана и воткнул у мокрого места ветку. Утром Данилка заметит её и не поведёт лошадь туда, где та может увязнуть. В сухой части поля борозды лежали ровно. Савелий задержался, прикидывая, сколько ещё успеют засеять до нового государева вызова.

У ворот Данилка уже стоял с пустым ведром. Олена ждала у крыльца, пока муж и сын закончат работу. Савелий сперва подошёл к Бурану, провёл ладонью по его шее и проверил больную ногу. Конь стоял спокойно. Нечаев поправил попону, закрыл ворота и пошёл к дому. Завтра начнут сеять с сухой полосы: остальная земля ещё не просохла, а письмо о новой службе могло прийти в любой день.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
МЛАДШИЙ СЫН

Москва — Коломенский уезд.
Май — июль 1557 года.

К середине мая Анастасия уже не могла долго ходить по дворцовым переходам. Ребёнок лежал тяжело, к вечеру отекали ноги, а временами появлялась такая слабость, что приходилось останавливаться даже посреди комнаты. Приближённые женщины советовали больше отдыхать, но царица не любила целыми днями оставаться в постели. Она просила приносить ей небольшую работу, разбирала приготовленное для младенца бельё, проверяла, всё ли необходимое находится в соседних покоях, и сама распоряжалась, кому поручить заботу о старших детях на время родов.

За окнами стояла настоящая весна. После нескольких дождливых дней сады возле Кремля покрылись молодой листвой, воздух стал тёплым, а по утрам из открытых окон доносились голоса дворовых людей. Во дворце тоже чувствовалось приближение лета: служители снимали тяжёлые зимние занавеси, проветривали комнаты, выносили на просушку ковры и постельные принадлежности. Анастасия сидела возле небольшого стола, когда кормилица привела Ивана Ивановича.

Ивану Ивановичу недавно исполнилось три года. Он уже знал, в какую дверь можно входить без спроса, а возле какой стоит приставленный служитель, и потому неизменно выбирал путь через материнские комнаты. Сегодня он принёс деревянного коня. У игрушки были четыре широкие ноги, короткая грива и отверстие в спине для всадника; мальчик засунул фигурку слишком глубоко и теперь никак не мог вынуть. Он попытался помочь себе зубами, но кормилица перехватила игрушку прежде, чем деревянная голова оказалась у него во рту. Царевич возмутился и потянул коня к матери. Анастасия отложила работу; наклониться было уже трудно, поэтому велела подать фигурку на стол. Мальчик взобрался на скамеечку, уверенный, что сейчас она сумеет исправить всё, чего не смогли взрослые вокруг.

— Матушка, смотри!

Мальчик поставил коня на стол и осторожно усадил на него всадника. Тот сразу упал. Иван Иванович нахмурился.

— Опять.

Анастасия улыбнулась.

— Наверное, слишком тяжёлый.

— Нет. Конь плохой.

Он попытался снова. На этот раз фигурка удержалась, но стоило мальчику двинуть игрушку, как всадник свалился на бок. Царевич сердито ударил ладонью по столу.

— Не хочет ехать!

Анастасия протянула руку.

— Дай посмотрю.

Она повернула фигурку, заметила неровность возле основания и осторожно подправила её небольшим ножом, которым прежде разрезала нитки. После этого всадник стал держаться крепче. Мальчик сразу повеселел.

— Теперь едет!

Он начал двигать коня по столу. Анастасия наблюдала за ним. В соседней комнате находилась маленькая Евдокия. Девочка только недавно научилась уверенно вставать, держась за мебель, и теперь стремилась повторять всё за старшим братом. Иногда Иван сердился, когда она пыталась взять его игрушки, но чаще сам приносил ей что-нибудь яркое и шумное, лишь бы сестра не плакала. В последние недели царица старалась проводить с детьми больше времени.

Она знала, что после родов ей придётся на некоторое время отойти от обычных забот. Но была и другая причина, о которой не любила говорить. Каждый новый ребёнок напоминал ей о тех, кого уже не было. Анна. Мария. Дмитрий. Три имени, которые в царской семье произносили нечасто, но которые не исчезали из памяти.

После смерти Дмитрия на Шексне Анастасия особенно тяжело переносила всякое нездоровье детей. Когда Евдокия зимой несколько дней кашляла, царица почти не спала. Кормилица уверяла, что ничего опасного нет, однако Анастасия всё равно несколько раз за ночь приходила в детские покои. Теперь предстояли новые роды. Она старалась не думать о дурном. Но тело помнило прежнюю боль гораздо лучше, чем разум хотел её забыть.

— Матушка, — позвал Иван Иванович.

Царица подняла глаза. Мальчик уже оставил коня и смотрел на её живот.

— Там маленький?

Анастасия пригладила смятую пелёнку.

— Маленький.

— Он выйдет?

— Скоро.

Царевич задумался.

— А играть будет?

Она улыбнулась.

— Не сразу. Сначала совсем маленьким будет.

— Как Дуня?

— Ещё меньше.

Иван Иванович нахмурился. Ему трудно было представить ребёнка меньше сестры. Он некоторое время размышлял, затем спросил:

— А коня ему можно?

Анастасия посмотрела на игрушку.

— Когда подрастёт, можно.

Мальчик взял деревянного всадника. Проверил, крепко ли тот держится. Потом поставил коня возле матери.

— Тогда пусть ждёт.

Царица рассмеялась. Но смех неожиданно оборвался. Она почувствовала сильное движение ребёнка и невольно положила руку на живот. Кормилица сразу подошла.

— Государыня?

— Ничего. Шевельнулся.

Женщина помогла ей удобнее сесть. Иван Иванович насторожился.

— Больно?

Анастасия погладила сына по голове.

— Немного.

Он осторожно коснулся её руки. Потом придвинул деревянного коня поближе.

— Я здесь посижу.

Мальчик придвинул к себе скамеечку и остался возле матери.

Иван Васильевич в это время находился в другой части дворца. Утреннее совещание затянулось. В Посольском приказе накопились дела, связанные с западными землями. Ливонские власти продолжали затруднять торговлю, споры о пошлинах и свободном проезде купцов не прекращались, а прежние договорённости исполнялись не так, как ожидала Москва. После присоединения Казани и Астрахани Иван особенно остро чувствовал, насколько важны для государства торговые дороги.

Волга теперь соединяла внутренние земли с нижними речными городами и Каспийским морем. На западе положение оставалось иным. Там всякий купец зависел от чужих властей, городских советов и договоров, которые могли толковать по-разному. Висковатый разложил перед царём несколько грамот.

— Из Юрьева опять ответ пришёл, государь.

Иван взял первую. Прочитал. Потом вторую. На лице появилось раздражение.

— Опять отсрочки просят.

— Просят.

— А дань?

— О прежней дани говорят, только исполнение отводят.

Царь положил грамоту на стол.

— Сколько можно одно и то же читать?

Адашев, стоявший рядом, осторожно заметил:

— Пока без войны обойтись можно, надобно попробовать.

Иван повернулся.

— А они пробуют?

— Они время тянут.

— Значит, нам тоже время терять?

Советник не ответил сразу. Он хорошо понимал положение. Русское государство за последние годы добилось больших успехов на востоке, но за победами последовали новые обязанности. Требовалось укреплять Астрахань, поддерживать порядок в Казанском крае, содержать гарнизоны, заботиться о южной границе и продолжать служебные преобразования. Новая война на западе потребовала бы значительных сил.

— Не всякая отсрочка требует похода, — произнёс Адашев.

Иван нахмурился.

— А когда потребует?

— Когда станет ясно, что иначе исполнить договор невозможно.

Царь прошёл вдоль стола. Ему не нравилось, что советники всё чаще говорили о необходимости осторожности там, где он видел нарушение обязательств. Но и начинать войну, не подготовив войско, не собирался.

— Пусть ещё отвечают, — распорядился он наконец. — Только срок определить. Чтобы не бесконечно.

Висковатый поклонился. Матвей Лазарев записал распоряжение. Затем перешли к другим делам. Из Казани требовали уточнить порядок снабжения нескольких служилых отрядов. С Нижней Волги приходили сведения о торговых людях и перевозах. В Коломенском уезде продолжались разбирательства поместных окладов. Иван слушал. Время от времени

задавал короткие вопросы. Но Адашев заметил, что царь сегодня чаще обычного отвлекается. Несколько раз Иван оборачивался к двери, когда за ней раздавались шаги. Наконец советник спросил:

— Государыня нездорова?

Царь поднял голову.

— Время подходит.

Адашев понял.

— Как себя чувствует?

— Тяжело ходит. Ночью почти не спала.

Советник кивнул. Он помнил, сколько тревог пережила царская семья.

— Повитухи при ней?

— При ней.

Иван снова взял грамоту. Некоторое время пытался читать. Потом отложил.

— Продолжим после обеда.

Матвей удивился. Обычно государь не любил оставлять начатые дела. Но сейчас никто не стал возражать. Когда советники вышли, Иван ещё немного постоял возле окна. Весенний воздух был тёплым. Во дворе конюхи выводили лошадей. Один из молодых служителей пытался успокоить беспокойного жеребца, который упорно отказывался идти за поводом. Царь наблюдал за ними, но мысли его находились далеко от конюшни. Перед ним снова возникла Шексна. Накренившиеся сходни. Крики людей. Мокрое детское покрывало.

Он отвернулся от окна и направился к жене.

Анастасия уже лежала на постели. Домна приготовила чистое полотно, придвинула к изголовью скамью и откинула тяжёлое покрывало, мешавшее роженице дышать. Молодая служительница, посланная за горячей водой, вернулась с пустыми руками: у двери её остановил внезапный стон. Домна вложила ей в руки кувшин и повторила поручение негромко, но так, что девушка сразу вышла. Иван следил за этой деловитой работой, однако всякий раз возвращал взгляд к лицу жены. Домна поклонилась, и он спросил:

— Как государыня?

— Устала, государь. Ей бы нынче покой.

Он подошёл к жене. Анастасия улыбнулась.

— Опять из-за меня дела оставил?

— Не из-за тебя.

— А из-за кого?

Царь сел рядом.

— Из-за ребёнка.

Она усмехнулась.

— Значит, мне совсем никакого внимания?

Иван взял её руку.

— Тебе больше всех.

Домна отвела глаза. Она уже привыкла, что в присутствии царицы государь иногда становился совсем другим человеком. Не тем, который требовал отчётов от воевод и мог заставить бояр несколько часов стоять в ожидании решения. Теперь он сидел возле жены и тревожно следил за каждым изменением её лица.

— Сегодня лучше? — спросил Иван.

Анастасия покачала головой.

— Тяжелее.

— Лекаря позвать?

— Домна здесь.

Повитуха подошла.

— Пока лекарь не нужен. Государыне отдыхать надо.

Иван повернулся.

— Если понадобится, сразу сказать.

— Скажем.

Он хотел спросить ещё что-то. Но Анастасия остановила его.

— Иван.

Царь посмотрел на неё.

— Не заставляй их отвечать на каждый твой страх.

Он нахмурился.

— Я не...

— Знаю.

Она осторожно сжала его пальцы.

— Только сейчас мне самой страшно. А когда ты приходишь и всё спрашиваешь, становится ещё труднее.

Иван опустил глаза. Он не ожидал такого признания. Анастасия продолжила:

— Я ведь помню прежние роды.

— И я помню.

— Тогда не надо делать вид, будто ничего не было.

Он долго молчал. Потом кивнул.

— Не буду.

Она почувствовала облегчение. Ей не хотелось, чтобы муж утешал её обещаниями, в которые сам не мог поверить. Нужно было другое. Чтобы он оставался рядом и не требовал немедленного спокойствия. Иван некоторое время сидел у постели. Затем заметил возле стены деревянного коня.

— Это Иван оставил?

Анастасия улыбнулась.

— Для младшего.

Царь взял игрушку. Осмотрел. Всадник держался крепко.

— Сам сделал?

— Мастер. А наш сын исправлял.

Иван усмехнулся.

— Значит, уже воеводой станет.

— Пока бы научился игрушки не ломать.

Они оба улыбнулись. Но вскоре Анастасия попросила мужа уйти. Ей хотелось поспать. Иван поднялся. Домна проводила его до двери. Там царь остановился.

— Ты ведь скажешь, коли опасно станет?

Домна убрала с края стола приготовленное полотно.

— Скажу, государь.

Он кивнул. И ушёл.

К исходу мая дворец жил ожиданием. В детских покоях сохранялся обычный порядок. Ивана Ивановича учили молитвам, прогулкам и простым занятиям. Евдокию носили на руках, кормили, купали и укладывали спать. Но возле царицыных комнат прибавилось служительниц. Приготовили чистое бельё. Проверили воду и сосуды. Назначили женщин, которым предстояло находиться рядом во время родов. Домна несколько раз осмотрела всё сама. Анастасия попросила, чтобы старших детей не уводили слишком далеко от привычных покоев.

Одна из женщин осторожно возразила:

— Государыня, когда начнётся, им здесь шумно будет.

— Не здесь. Пусть в соседней половине остаются.

— А если царевич захочет к тебе?

— Объясните, что нельзя.

Женщина поклонилась. Анастасия некоторое время молчала. Потом добавила:

— Только не пугайте его.

Она помнила, как в детстве взрослые иногда старались скрыть неприятное известие и от этого делали его ещё страшнее. Служительницы начинали шептаться, двери закрывались, а дети оставались в полном неведении. Она не хотела, чтобы Иван Иванович переживал такое ожидание.

— Скажите, что мне надо отдохнуть, — распорядилась царица. — А когда можно будет, я сама его позову.

Домна одобрительно кивнула. И вновь занялась приготовлениями.

В последние дни месяца Анастасия почти не покидала покоев. Роды начались ночью. Сначала она почувствовала тянущую боль в пояснице. Потом схватки стали повторяться чаще. Домна, осмотрев царицу, велела принести тёплой воды и позвать назначенных женщин. В комнатах сразу прибавилось движения. Но повитуха не позволяла никому суетиться. Она распределила обязанности. Одна женщина готовила полотно. Другая следила за водой. Третья находилась у двери и передавала необходимые распоряжения.

Анастасия пыталась сохранять спокойствие. Первые схватки она переносила молча. Потом боль усилилась. Она схватилась за край постели. Домна поддержала её.

— Дыши ровнее, государыня.

Анастасия кивнула. Но через некоторое время снова застонала. Роды оказались тяжёлыми. Царица уже была ослаблена предыдущими беременностями. Теперь всякое усилие давалось ей с трудом. Временами она закрывала глаза и лежала почти неподвижно, стараясь собрать силы для следующей схватки. Домна следила за её состоянием. Приказывала менять полотно. Поддерживала голову. Не позволяла молодым женщинам плакать или произносить тревожные слова. Ближе к рассвету боль усилилась. Анастасия попросила воды. Ей поднесли чашу.

Она сделала несколько глотков. Затем неожиданно спросила:

— Государь где?

Одна из служительниц ответила:

— Молится, государыня.

Царица закрыла глаза. Она не хотела, чтобы муж находился рядом в эти минуты. Но знание, что он не спит и ожидает известий, почему-то придавало ей силы. Домна осторожно поправила подушку.

— Скоро, государыня.

Анастасия посмотрела на неё.

— Ты и прежде так говорила.

Повитуха не стала спорить.

— А теперь ближе.

Повитуха вернулась к роженице и продолжила работу.

Иван Васильевич не спал всю ночь. В небольшой комнате возле домашней молельни горели светильники. Несколько раз он подходил к двери, ведущей в женские покои, но всякий раз возвращался назад. Ему приносили известия. Сначала говорили, что роды начались благополучно. Сообщили, что царица утомилась. Позднее попросили передать Домне приготовленные лекарства и ещё чистого полотна. Иван пытался читать молитвы. Но мысли постоянно возвращались к тому, что происходило за закрытыми дверями.

Он уже не был юным мужем, впервые ожидавшим рождения ребёнка. За десять лет брака он успел узнать и радость отцовства, и тяжесть похорон собственных детей. Теперь каждый час ожидания казался ему длиннее прежнего. Ближе к утру пришёл Алексей Адашев. Царь не сразу заметил его. Советник остановился у входа.

— Государь.

Иван обернулся.

— Что?

— Из приказа спрашивают о двух грамотах. Без твоей воли не отпускают.

Царь нахмурился.

— Каких?

Адашев назвал. Речь шла о распоряжениях, которые могли подождать несколько часов. Иван резко ответил:

— Пусть ждут.

Советник поклонился. Но не ушёл. Царь посмотрел на него.

— Ещё что?

— Государыня как?

Иван отвёл глаза.

— Роды идут.

Адашев некоторое время молчал. Потом произнёс:

— Молимся за неё.

Царь кивнул. Он не хотел сейчас обсуждать ничего другого. Но советник всё же осторожно добавил:

— В детских покоях спокойно. Иван Иванович спит.

Это известие неожиданно тронуло государя. Он вспомнил сына, его деревянного коня и то, как мальчик пытался представить себе будущего младшего брата или сестру.

— Хорошо, — ответил Иван.

Адашев поклонился и вышел. Царь снова остался один. Он подошёл к окну. Небо уже начинало светлеть. На дворе сменялась стража. Служители открывали ворота. Где-то неподалёку зазвонил первый колокол. Иван смотрел на рассвет, пока за его спиной не раздались быстрые шаги.

Служительница остановилась у двери. Она была бледна.

— Государь...

Иван резко повернулся.

— Что?

Женщина поклонилась.

— Сын родился.

Он несколько мгновений не двигался. Потом шагнул к ней.

— Жив?

— Жив, государь.

— А царица?

— Жива. Утомилась очень.

Иван почувствовал, как ноги неожиданно ослабели. Он опёрся рукой о край стола.

— Сын?

Женщина кивнула.

— Сын.

Царь закрыл глаза. Несколько мгновений стоял неподвижно. Затем перекрестился.

— Господи, благодарю Тебя.

Он хотел сразу идти к Анастасии, но служительница остановила.

— Домна велела немного обождать. Государыню приводят в порядок.

Иван нахмурился. Прежде он не привык, чтобы кто-либо задерживал его по собственной воле. Но сейчас спорить не стал.

— Скажи ей, что я здесь.

Женщина поклонилась и поспешила обратно. Царь сел. За окном уже наступило утро. В Москве начинался новый день. А у него родился сын.

Младенец появился на свет небольшим и слабым. Он дышал самостоятельно, но первые движения были вялыми, а плач — негромким. Домна внимательно следила за ребёнком, велела согреть полотно и не позволяла переносить его из комнаты без необходимости. Анастасия лежала, почти не чувствуя сил. Лицо было бледным. Волосы прилипли ко лбу. Каждое движение вызывало усталость. Когда повитуха поднесла ей младенца, царица с трудом приподняла руки.

— Дай.

Домна осторожно положила ребёнка рядом. Анастасия коснулась маленькой щеки. Мальчик пошевелил губами. Потом снова затих. Царица смотрела на него. Ей хотелось сразу убедиться, что он здоров. Что всё будет хорошо. Но теперь она уже не доверяла первым впечатлениям.

— Почему не плачет? — спросила она.

Домна ответила:

— Плакал.

— Тихо.

— Силы ещё набирает.

Анастасия подняла глаза.

— Ты уверена?

Повитуха не стала давать громких обещаний.

— Сейчас дышит ровно. Надо согреть и кормить. А дальше смотреть будем.

Царица кивнула. Она была благодарна за прямой ответ. Младенец немного повернул голову. Приоткрыл рот. Домна помогла устроить его удобнее. Анастасия впервые почувствовала тепло сына возле собственного тела. И только тогда позволила себе заплакать. Слёзы текли тихо. Она не всхлипывала. Не произносила молитв вслух. Просто лежала, прижимая к себе ребёнка. За дверью ждал Иван. Она знала, как сильно он боится за них обоих. Но сейчас не могла думать о его тревоге. Перед ней находился мальчик. Совсем маленький.

Ещё не знающий ни своего имени, ни того, сколько людей уже ожидают известий о его рождении. Анастасия осторожно поправила край пелёнки.

— Живи, — прошептала она.

Домна услышала. Но ничего не сказала.

Ивана впустили не сразу. Когда он вошёл, в комнате уже стало тихо. Женщины убрали лишние вещи. Сменили полотно. Подготовили постель. Анастасия лежала с закрытыми глазами. Возле неё находилась Домна. Царь остановился у порога. Он ожидал увидеть жену измученной. Но всё равно испугался её бледности.

— Настя.

Она открыла глаза. Попыталась улыбнуться.

— Иди.

Иван подошёл. Сел рядом. Некоторое время смотрел только на неё.

— Тяжело было?

Анастасия едва заметно кивнула.

— Было.

Он взял её руку. Она оказалась холоднее обычного.

— Лекаря позвать?

Домна ответила раньше царицы:

— Уже смотрели, государь. Сейчас покой нужен.

Иван повернулся.

— А сын?

Повитуха осторожно показала ему младенца. Тот лежал в чистом полотне. На маленьком лице ещё сохранялись следы тяжёлого рождения. Кожа была красноватой, веки припухшими,

волосы редкими и влажными. Иван долго смотрел. Потом протянул руку. Но не решился сразу коснуться ребёнка. Домна заметила.

— Можно.

Царь осторожно провёл пальцем по маленькой ладони. Младенец неожиданно сжал его палец. Иван вздрогнул. Это движение было совсем слабым. Но оно оказалось сильнее всех слов, которые ему могли произнести.

— Крепко держит, — прошептал он.

Анастасия улыбнулась.

— Пока только за тебя.

Иван поднял глаза. Она смотрела на него устало, но спокойно. Несколько мгновений они не говорили. Потом царь спросил:

— Как назовём?

Анастасия посмотрела на ребёнка.

— Фёдором.

Иван повторил имя.

— Фёдор.

Оно прозвучало негромко. Царь задумался. Имя связывало новорождённого с памятью святого воина Феодора Стратилата. Для Ивана, привыкшего искать в именах святых особую защиту, это имело значение. Но сейчас он не стал рассуждать о небесном покровительстве. Снова посмотрел на сына. Тот разжал пальцы. Иван осторожно освободил руку.

— Фёдор Иванович, — произнёс он.

Анастасия закрыла глаза. Она уже почти не могла говорить. Царь заметил. Поднялся. Домна проводила его к двери. На пороге Иван остановился.

— Долго ей отдыхать?

Повитуха ответила:

— Сколько потребуется.

— А ребёнок?

— С ним останемся.

Иван хотел ещё что-то спросить. Но потом кивнул.

— Береги их.

Домна поклонилась.

— Будем беречь, государь.

Он вышел.

К полудню известие разошлось по Кремлю. У царя родился сын. В приказных избах прекратили работу лишь на короткое время, чтобы выслушать официальное сообщение и узнать, какие службы надлежит совершить. Затем дьяки снова сели за столы. Матвей Лазарев получил распоряжение подготовить грамоты. Лука принёс чистую бумагу.

— Куда прежде писать? — спросил он.

Матвей назвал несколько городов и монастырей. Необходимо было известить воевод, духовные власти и ближайших государевых представителей. Лука приготовил перо. Потом спросил:

— Значит, теперь у государя два сына?

Матвей поднял голову.

— Два живых.

Лука опустил перо так резко, что на полях осталась клякса. Ещё мгновение назад он переписывал обычную династическую строку и не думал, как прозвучит слово «живых» рядом с именами умерших детей. Матвей подвинул к нему промокательную бумагу, прикрыл испорченное место и молча указал на чистый лист. В старой книге он сам когда-то записывал рождение Дмитрия; позднее рядом пришлось делать другую отметку. В приказе такие исправления

имели строгое место, но во дворце их нельзя было произносить как счёт в амбаре. Лука старательно выводил первые буквы заново, а Матвей дождался, пока рука у него перестанет дрожать.

— Пиши, — сказал он.

Лука начал. Имя новорождённого царевича выводил особенно тщательно. Фёдор Иванович. Когда запись была готова, Матвей перечитал её. Затем передал помощнику.

— Проверь.

Лука начал читать. Он не сразу заметил, что в одной строке дважды повторил одно слово. Исправил. И снова продолжил. За окном было шумно. Во дворце готовились благодарственные молебны. Служители разносили известия. Но в приказной комнате всё оставалось привычным: бумага, чернила, перья, связки грамот и люди, которым предстояло превратить событие царской семьи в распоряжения для огромного государства.

Иван Иванович узнал о рождении брата после утренней трапезы. Сначала ему сказали, что матушка отдыхает и пока нельзя к ней приходить. Мальчик расстроился. Потом кормилица объяснила:

— У тебя брат родился.

Он поднял голову.

— Маленький?

— Совсем маленький.

— Как зовут?

— Фёдор.

Иван Иванович задумался. Потом спросил:

— А где он?

— С матушкой.

— Покажи.

Кормилица покачала головой.

— Пока нельзя.

Мальчик нахмурился. Ему не нравилось, что взрослые снова решают что-то без него. Он уже несколько дней ждал младшего ребёнка. Даже приготовил деревянного коня. А теперь выяснялось, что увидеть брата нельзя.

— Я старший, — заявил он.

Кормилица улыбнулась.

— Старший.

— Значит, должен видеть.

Женщина не нашла ответа. Пришлось отвлечь мальчика прогулкой. Но Иван Иванович не забыл. Когда отец пришёл к нему после обеда, царевич сразу спросил:

— Где Фёдор?

Иван Васильевич сел рядом.

— С матушкой.

— Почему меня не пускают?

— Потому что он маленький. И матушка устала.

Мальчик некоторое время молчал. Потом спросил:

— А я большой?

Царь улыбнулся.

— Уже большой.

— Тогда пойду.

Иван покачал головой.

— Немного обождёшь.

Сын насупился. Он был привыкшим к тому, что отец иногда исполняет его желания быстрее других взрослых. Но сейчас тот не уступал.

— А коня ему отдать можно?

Царь посмотрел на игрушку.

— Можно. Только позже.

Иван Иванович поднялся. Принёс деревянного коня. Поставил возле отца.

— Возьми.

Царь взял. Мальчик внимательно наблюдал.

— Не сломай.

Иван рассмеялся.

— Постараюсь.

Сын наконец улыбнулся. Потом подошёл ближе.

— А матушка меня помнит?

Царь перестал смеяться. Вопрос оказался неожиданным.

— Конечно, помнит.

— Она давно не приходит.

Иван осторожно поднял мальчика к себе на колени.

— Ей сейчас тяжело. Как отдохнёт, сама тебя позовёт.

Сын прижался к нему. Некоторое время они сидели молча. Потом Иван Иванович спросил:

— А Фёдор тоже будет с нами?

— Будет.

— И Дуня?

— И Дуня.

Мальчик задумался.

— Тогда нас много.

Царь улыбнулся.

— Много.

Он осторожно прижал сына к себе. И подумал, что мальчик прав. В их доме снова стало больше людей. Но вместе с радостью вернулась и тревога, которую никакая государева власть не могла устранить.

В первые дни после рождения Фёдор оставался слабым. Он ел понемногу. Быстро уставал. Иногда долго спал, и тогда женщины по нескольку раз подходили проверить его дыхание. Домна внимательно наблюдала за младенцем. Не позволяла слишком часто переносить его из комнаты в комнату. Следила, чтобы в покоях было достаточно тепло, но не душно. Анастасия постепенно оправлялась после родов. Она уже могла сидеть. Но быстро уставала и временами испытывала сильную слабость. Иван приходил каждый день.

Иногда задерживался ненадолго. Иногда сидел возле постели почти целый час. Он старался не расспрашивать повитуху слишком настойчиво. Но всё равно внимательно следил за состоянием сына. Однажды вечером младенец долго не просыпался. Анастасия заметила, что прошло больше времени, чем обычно. Попросила Домну подойти. Повитуха осмотрела ребёнка. Он дышал ровно. Кожа была тёплой. Но мать всё равно тревожилась. Когда пришёл Иван, она сразу рассказала. Царь нахмурился.

— Лекаря позвать?

Домна спокойно ответила:

— Сейчас не надобно. Проснётся — кормить будем.

Иван хотел возразить. Но Анастасия остановила его.

— Подожди.

Он сел. Некоторое время они молча наблюдали за младенцем. Потом Фёдор пошевелился. Открыл рот. Слегка повернул голову. Домна улыбнулась.

— Вот и проснулся.

Анастасия почувствовала, как напряжение постепенно отпускает. Она взяла сына. Он начал искать грудь. Царь поднялся. Хотел приблизиться. Но повитуха осторожно попросила не мешать. Иван остановился. Ему было непривычно слышать подобные просьбы. Однако сейчас он подчинился. Отошёл к окну. За ним стоял тёплый вечер. В саду слышались птицы. Анастасия кормила ребёнка. Домна помогала. Царь смотрел на них и впервые за несколько дней чувствовал, что может просто находиться рядом, не принимая никаких решений.

Крестины Фёдора приготовили с подобающей царскому сыну торжественностью. Митрополит Макарий должен был совершить священный обряд. Выбрали Чудов монастырь. Для царской семьи это было важное событие. Но Иван не хотел превращать его в бесконечное придворное празднество. Он приказал совершить всё по установленному порядку, без ненужной суеты. Анастасия ещё не оправилась настолько, чтобы участвовать в церемонии. Она оставалась в своих покоях. Накануне крестин Иван пришёл к ней вечером. Царица сидела возле колыбели.

Фёдор спал. Лицо младенца казалось совсем маленьким среди складок полотна. Иван подошёл.

— Завтра крестить будем.

Анастасия кивнула.

— Знаю.

— Макарий сам совершит.

— Хорошо.

Царь посмотрел на сына.

— Ты не боишься отпускать?

Она подняла глаза.

— Боюсь.

Иван нахмурился. Анастасия продолжила:

— Только ведь нельзя всю жизнь держать его возле себя и никому не показывать.

Он невольно улыбнулся.

— Можно попробовать.

— Ты бы попробовал.

Они оба рассмеялись. Но вскоре Анастасия снова стала серьёзной.

— Береги его.

Иван посмотрел на жену.

— Берегу.

— Не только завтра.

Он понял. Она говорила не о церемонии. Не о дороге через Кремль. И даже не о здоровье ребёнка. Она просила мужа помнить, что перед ним будет не только царевич, но и сын. Иван осторожно взял её руку.

— Буду.

Анастасия приняла его слова без нового обещания. Поправила пелёнку у спящего младенца и лишь тогда вернулась к разговору.

Утром в Чудовом монастыре было многолюдно. Духовенство готовилось к службе. В храме горели свечи. Солнечный свет проникал через небольшие окна и ложился светлыми полосами на каменный пол. Иван Васильевич находился среди ближайших людей. Он слушал молитвы. Крестился. Но всё время возвращался мыслями к младенцу. Фёдора принесли в храм в сопровождении назначенных женщин и знатных лиц. Ребёнок был укутан. Во время обряда он сначала лежал спокойно, затем недовольно зашевелился и заплакал. Иван невольно напрягся.

Макарий продолжал службу. Его голос звучал ровно. Царь постепенно успокоился. Он знал, что ребёнок плачет от непривычного обращения. Но после прежних утрат всякий детский крик заставлял его сердце сжиматься. Когда обряд завершился, младенца вновь укутали. Иван

подошёл ближе. Фёдор уже перестал плакать. Только иногда тихо всхлипывал. Царь осторожно коснулся маленькой руки.

— Ну что, Фёдор Иванович.

Ребёнок не открыл глаз. Макарий приблизился.

— Господь да хранит его.

Иван поклонился.

— Аминь.

Митрополит некоторое время смотрел на младенца. Потом обратился к царю:

— Радость нынче большая.

— Большая, владыко.

— И благодарение за неё подобает.

Иван кивнул. Он уже думал о церковном вкладе. В Переславле-Залесском находился Фёдоровский монастырь, связанный с почитанием святого великомученика Феодора Стратилата. Теперь имя новорождённого царевича придавало этому месту для государя особое значение.

— Хочу в Фёдорову обитель вклад дать, — произнёс Иван.

Макарий одобрил. Царь продолжил:

— И о каменной церкви подумать надобно.

Митрополит кивнул. Они ещё немного говорили о монастырских нуждах. Но Иван не стал задерживаться надолго. Ему хотелось скорее вернуться к Анастасии. И сообщить, что крещение прошло благополучно.

В Коломенский уезд известие о рождении царевича дошло в начале июня. Савелий Нечаев находился на новом поле, когда к его двору подъехал служилый человек из Коломны. Олена вышла навстречу. Гость передал несколько распоряжений, а затем рассказал о радостном событии.

— У государя сын родился.

Савелий отложил счётную запись.

— Ещё один?

— Ещё один. Фёдором нарекли.

Нечаев снял шапку. Перекрестился.

— Слава Богу.

Олена тоже перекрестилась. Данилка, стоявший возле сарая, подошёл ближе.

— Значит, у царя теперь два сына?

— Два, — ответил отец.

Молодой человек задумался.

— И оба служить будут?

Савелий усмехнулся.

— Им прежде вырасти надобно.

— А потом?

— Потом государь решит, кому какое дело.

Гость рассказал ещё несколько подробностей. О благодарственных молебнах. О приготовлениях к крестинам. О том, что в Москве радуются рождению царевича. Затем отправился дальше. Савелий вернулся к работе. Но Данилка некоторое время продолжал расспрашивать.

— Батя, а если у государя два сына, кому царствовать?

Нечаев остановился. Он уже несколько лет не любил подобных разговоров. Особенно после болезни Ивана Васильевича в 1553 году, когда вопрос о наследнике едва не разделил государев двор. Теперь всё выглядело спокойнее. Старший сын был жив. Рос. А младший только появился на свет.

— Старшему положено, — ответил Савелий.

Данилка кивнул. Потом спросил:

— А младшему?

Отец некоторое время размышлял.

— Младшему тоже место найдётся.

— Какое?

— От государя зависит.

Данилка посмотрел на него.

— Значит, и царским детям не всё самим решать можно?

Савелий невольно улыбнулся.

— Не всё.

Молодой человек задумался. Потом вернулся к работе. Олена, слышавшая разговор, подошла к мужу.

— Он всё о службе думает.

Савелий кивнул.

— Вижу.

— И ты ему не отговариваешь.

— А что говорить?

Жена посмотрела на сына. Тот уже нёс к полю деревянную борону.

— Скажи хотя бы, что сначала жить надо научиться.

Савелий некоторое время наблюдал за Данилкой.

— Учу.

Олена вздохнула. Она понимала, что муж не сможет навсегда удержать сына дома. Но не хотела, чтобы мальчик видел в службе только коня, оружие и государеву честь. Ей хотелось, чтобы он помнил другое. Долгие зимы. Неубранные поля. Долги. Болезнь Бурана. И постоянное ожидание возвращения тех, кто ушёл на войну.

— Тогда учи лучше, — сказала она.

Савелий не обиделся. Он уже давно знал, что в хозяйственных делах жена часто замечает то, что сам он предпочёл бы не видеть. Они вернулись к работе.

Летом в Кремле постепенно установился прежний порядок. Анастасия поправлялась. Она уже могла выходить в соседние комнаты и проводить больше времени со старшими детьми. Иван Иванович наконец увидел младшего брата. Сначала церемония знакомства вышла неловкой. Царевич вошёл вместе с кормилицей, держа деревянного коня. Увидел колыбель. Подошёл. Заглянул внутрь. Фёдор лежал спокойно. Его маленькие руки были почти полностью скрыты пелёнками. Иван Иванович долго смотрел. Потом поднял голову.

— Он совсем маленький.

Анастасия улыбнулась.

— Я же говорила.

Мальчик протянул игрушку.

— Это ему.

Царица взяла коня.

— Спасибо.

Он нахмурился.

— Нет. Ему.

— Он пока не может держать.

Иван Иванович задумался. Потом решил:

— Положи рядом.

Анастасия осторожно поставила игрушку возле колыбели. Мальчик удовлетворённо кивнул. Затем приблизился снова.

— А он меня знает?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что ещё маленький.

Царевич задумался.

— А потом узнает?

— Обязательно.

Он осторожно коснулся края пелёнки. В этот момент Фёдор пошевелился. Старший брат резко отдёрнул руку.

— Он живой!

Анастасия рассмеялась.

— Конечно, живой.

Мальчик тоже засмеялся. Потом снова приблизился. На этот раз осторожнее.

— Фёдор, — произнёс он.

Младенец не ответил. Иван Иванович нахмурился.

— Не слышит.

— Слышит. Только говорить ещё не умеет.

Мальчик некоторое время наблюдал. Потом решил, что брат пока недостаточно интересен для игры. Взял деревянного коня.

— Я ему потом покажу.

Анастасия согласилась. Он уже направился к двери, когда остановился.

— Матушка.

— Что?

— А Дуня тоже маленькая?

Царица улыбнулась.

— Меньше тебя.

— Значит, я самый старший.

— Да.

Мальчик выпрямился. Впервые это слово показалось ему особенно важным. Он вышел из комнаты, стараясь держаться так же прямо, как видел у отца. Анастасия ещё долго улыбалась, вспоминая его серьёзный вид.

Через несколько дней Иван Васильевич привёл старшего сына в небольшую комнату, где хранились его собственные детские вещи. Там находились старые деревянные игрушки, несколько книг и предметы, оставшиеся ещё со времени правления Василия Ивановича. Царь редко приходил сюда. Большинство вещей давно утратило практическое значение. Но иногда ему хотелось видеть их. Иван Иванович сразу заметил небольшой деревянный меч.

— Это чей?

— Мой был.

Мальчик удивился.

— Ты маленький был?

Царь улыбнулся.

— Был.

— Как я?

— Даже меньше.

Царевич задумался. Ему трудно было представить отца ребёнком. Обычно тот появлялся перед ним высоким, уверенным, окружённым служителями и вооружёнными людьми. Теперь выяснялось, что когда-то и он играл деревянным мечом. Мальчик взял игрушку. Попробовал поднять. Меч оказался тяжеловатым для его рук. Иван помог.

— Держи двумя.

Сын послушался. Сделал несколько осторожных движений. Потом спросил:

— А дедушка тебя учил?

Царь замер. Вопрос был простым. Но ответить оказалось трудно. Василий Иванович умер, когда сыну было всего три года. Иван почти не помнил его живого. Сохранились отдельные образы. Большая рука. Тяжёлый голос. Запах одежды. Торжественные выходы. Но настоящего обучения мечу или коню между ними не было.

— Не успел, — ответил он.

Мальчик поднял голову.

— Почему?

— Умер.

Иван Иванович опустил меч. Он уже знал, что такое смерть. Во дворце говорили о покойных родственниках. В церкви служили панихиды. Но смысл этого слова ещё оставался для него неполным.

— А ты меня научишь?

Царь посмотрел на сына. Тот стоял перед ним, крепко сжимая деревянную рукоять.

— Научу.

Мальчик улыбнулся. Иван осторожно поправил положение его рук. Показал, как держать оружие. Потом велел убрать меч. Сегодня было достаточно. Когда сын вышел, царь ещё некоторое время оставался возле старых вещей. Вспомнил отца. Мать. Собственное детство среди боярских распрей. И неожиданно почувствовал, насколько сильно хочет дать сыновьям то, чего сам почти не имел. Спокойный дом. Живых родителей. Возможность расти без постоянной борьбы взрослых за власть над ребёнком.

Но Иван уже знал, что одного желания недостаточно. За стенами дворца находилось государство. И его дела редко позволяли человеку жить так, как хотелось бы.

Тем летом Анастасия иногда замечала, что Иван стал чаще приходить к детям. Он мог появиться неожиданно. Посидеть возле колыбели Фёдора. Посмотреть, как старший Иван играет с деревянными фигурками. Поднять Евдокию на руки. Потом так же неожиданно уходил к государственным делам. Однажды царица спросила:

— Ты чего всё приходишь без предупреждения?

Иван удивился.

— Разве нельзя?

— Можно.

Она улыбнулась.

— Только прежде тебя и позвать трудно было.

Царь сел возле неё.

— Дел много.

— И сейчас много.

— Сейчас больше.

Анастасия посмотрела на мужа. Он действительно выглядел уставшим. После астраханских дел государственные заботы не уменьшились. Новые земли требовали воевод. Служилые люди — жалованья и ясного порядка повинностей. Из Казанского края продолжали приходить противоречивые известия. На западной границе возникали новые споры. Иван нередко возвращался к семье уже поздно вечером. Но теперь старался хотя бы ненадолго увидеть детей.

— Ты боишься? — спросила Анастасия.

Он поднял голову.

— Чего?

— За Фёдора.

Иван не ответил сразу. Потом кивнул.

— Боюсь.

Она осторожно коснулась его руки.

— И я.

Некоторое время они молчали. Потом царица добавила:

— Только если всё время ждать беды, можно и радость не заметить.

Иван посмотрел на неё. Анастасия продолжила:

— Он сегодня лучше ел. И уже крепче голову держит.

Царь сразу повернулся к колыбели.

— Правда?

— Правда.

Она улыбнулась.

— Вот видишь. А ты всё про страх.

Иван поднялся. Подошёл к сыну. Фёдор лежал на спине. Свет из окна падал на край пелёнки. Младенец открыл глаза. Некоторое время смотрел перед собой. Слегка повернул голову. Царь осторожно протянул палец. Маленькая рука пошевелилась. Иван почувствовал слабое прикосновение. На этот раз он не испугался. Только улыбнулся.

— Крепнешь, Фёдор Иванович.

Ребёнок снова закрыл глаза. Анастасия наблюдала за мужем. Ей хотелось сохранить эти минуты. Не потому, что они были особенно торжественными. Наоборот. В них не было ничего государева. Ни бояр. Ни грамот. Ни послов. Только отец, мать и маленький ребёнок. Но именно такие минуты после долгих лет тревоги казались ей наиболее драгоценными.

В июле Иван получил сведения о состоянии Фёдоровского монастыря в Переславле-Залесском. Дело было связано с его желанием сделать вклад в благодарность за рождение сына. Он подробно расспросил о монастырских постройках. О церкви. О средствах, необходимых для работы. Потом велел приготовить распоряжение о государевой помощи. Матвей Лазарев записывал.

— Во имя святого Феодора Стратилата, — произнёс царь.

Дьяк кивнул.

— Каменную церковь устроить?

Иван посмотрел на него.

— Каменную.

Они обсудили, кому поручить разбирательство расходов и строительных нужд. Царь не хотел, чтобы дело осталось только на бумаге. Но и торопить мастеров без подготовки не собирался. Когда распоряжение было готово, Матвей перечитал. Иван выслушал. Затем поставил необходимые знаки утверждения. Дьяк поклонился. Уже собирался уходить, когда царь остановил его.

— Матвей.

— Слушаю, государь.

— О сыне что в записи написал?

Дьяк удивился.

— В какой?

— О рождении.

Матвей объяснил содержание. Иван попросил принести грамоту. Когда её подали, он внимательно прочитал. В документе всё было изложено положенным порядком. У государя Ивана Васильевича и государыни Анастасии Романовны родился сын, царевич Фёдор Иванович. Указаны были необходимые обстоятельства. Молитвенные распоряжения. Извещения. Всё, что требовалось для государственного дела. Иван ещё раз прочитал имя. Фёдор Иванович. Вернул грамоту.

— Хорошо.

Матвей поклонился. И вышел. Царь некоторое время оставался один. На столе лежали другие бумаги. Из Юрьева пришли новые сведения о торговых спорах. С юга ожидали доне-

сений о движении степных людей. В уездах продолжали уточнять служебные оклады. Работы было достаточно до самого вечера. Иван взял одну из грамот. Начал читать. Но вскоре отложил. За стенами палаты раздался знакомый детский голос. Старший сын что-то громко доказывал кормилице. Потом послышался смех. Царь поднялся. Открыл дверь.

В переходе стоял Иван Иванович. Он держал деревянного коня. Увидев отца, сразу обрадовался.

— Батюшка!

Иван наклонился.

— Что случилось?

— Фёдор проснулся!

Царь улыбнулся.

— И что?

Мальчик показал игрушку.

— Я ему коня принёс.

— Видел?

— Видел. Только он опять не взял.

Иван рассмеялся. Сын нахмурился.

— Почему смеёшься?

— Потому что он ещё маленький.

Иван Иванович задумался. Потом спросил:

— А когда вырастет?

— Тогда возьмёт.

Мальчик удовлетворённо кивнул.

— Пойдём покажу.

Он потянул отца за руку. Иван позволил вести себя по переходу. У двери в детские покои их встретила кормилица. Она поклонилась. Царь велел не задерживать. Они вошли. Анастасия сидела возле колыбели. На руках у неё находился Фёдор. Евдокия играла рядом с деревянной чашей и небольшими цветными лоскутами. Увидев отца, девочка сразу потянулась к нему. Иван поднял её. Она засмеялась. Старший сын уже показывал брату игрушку. Анастасия наблюдала за ними.

Иван Васильевич некоторое время стоял посреди комнаты с дочерью на руках. Потом подошёл к жене.

— Как Фёдор?

— Лучше.

Он внимательно посмотрел на младенца. Тот лежал спокойно. На лице появилась слабая, едва заметная складка возле губ. Царь осторожно коснулся маленькой щеки. Фёдор пошевелился. Снова затих. Иван Иванович настойчиво повторил:

— Батюшка, покажи ему коня!

Царь взял игрушку. Поднёс ближе. Младенец не обратил на неё внимания. Старший брат разочарованно вздохнул. Анастасия засмеялась.

— Ему пока не до коней.

Иван положил игрушку рядом. Потом передал Евдокию кормилице и сел возле жены. За окнами стоял тёплый июльский день. В саду шумели деревья. Где-то во дворе служители передвигали тяжёлые деревянные бочки. В соседней комнате готовили вечернюю трапезу. Иван Иванович снова принялся играть. Евдокия попыталась подползти к его игрушкам. Он сначала хотел возразить, но потом сам подвинул к сестре одну из деревянных фигурок. Анастасия наблюдала за детьми. Фёдор постепенно засыпал у неё на руках. Царь сидел рядом.

В какой-то момент из перехода донеслись шаги. Появился служитель. Поклонился.

— Государь, из Посольского приказа спрашивают...

Иван поднял голову.

— Что?

Служитель назвал дело. Царь некоторое время размышлял. Потом ответил:

— Скажи, после вечерни разберём.

Служитель поклонился и вышел. Анастасия посмотрела на мужа.

— Не срочно?

— Нет.

Анастасия уложила Фёдора в колыбель и села рядом с мужем. Иван взял её руку. Из-за стола доносился спор старшего сына с Евдокией: оба хотели распоряжаться деревянными лошадками. Царь не позвал служительницу на помощь. Он слышал детские голоса, видел, как жена то и дело поглядывает на колыбель, и впервые за долгие тревожные недели оставил бумаги за дверью.

Она перевела взгляд с колыбели на мужа и чуть крепче сжала его руку.

— Хорошо сегодня, — тихо сказала она.

Старший сын хотел поставить деревянного всадника впереди остальных, а Евдокия каждый раз подвигала коня к себе. Мальчик сердился, но отнимать игрушку силой не решался: мать была рядом. Анастасия переставила двух коней бок о бок и рассмеялась, когда оба ребёнка остались недовольны. За дверью вновь послышались шаги служителя с деловой бумагой, но никто не решился прервать семейный вечер. Иван не позвал. Он поднял с пола упавшего всадника и передал сыну так, чтобы Евдокия могла держаться за деревянную гриву. Спор на время прекратился.

Сегодня мальчику не требовалось ничего, кроме тепла, молока и заботы. Царь осторожно поднялся, подошёл к колыбели и поправил край покрывала, который сполз с маленького плеча. Фёдор не проснулся. Иван задержал руку возле сына. Потом вернулся к Анастасии. Она протянула ему ладонь. Он сел рядом. За окнами продолжался обычный летний день.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ЗА ЗАПАДНЫМИ ВОРОТАМИ

Устье Наровы — Ивангород — Нарва — Новгород — Москва — Юрьев.
Август — декабрь 1557 года.

Ветер пришёл с моря ещё до рассвета. Сначала он только шевелил траву на песчаных возвышениях, потом усилился, поднял короткую волну и погнал её против речного течения. К утру вода у пристани потемнела, натянулись причальные канаты, а на небольшом судне, стоявшем возле деревянного настила, пришлось второй раз проверять крепления. Иван Выродков наблюдал за работой с берега. Море он не любил.

Выродков привык укреплять речные стены и устраивать переправы, но устье Наровы жило не по известным ему отметкам половодья. Ещё вчера на свае была видна нижняя зарубка; теперь её закрывала волна. Ослабленная связь провисала, затем натягивалась так, что под водой скрипело дерево. Он поддел её багром, но ветер развернул длинное древко и едва не вырвал из рук. Плотники ожидали приказа. Выродков велел подать дополнительную поперечину: вчерашнюю работу придётся переделать, иначе первая же сильная волна сорвёт настил.

— Нижнюю связь опять ослабило.

Стоявший рядом мастер Семён Сушило наклонился.

— Видел. После полудня подтянем.

— Не после полудня. Сейчас.

— Люди на другом конце работают.

Выродков посмотрел туда, где несколько плотников поднимали тяжёлый брус.

— Двух оттуда сними. Остальные пусть продолжают.

Семён не стал спорить. Он уже привык к порядку, установленному дьяком. Выродков не любил исправлять одну и ту же работу дважды и особенно сердился, когда ему обещали закончить дело вместо того, чтобы назвать действительную причину задержки.

Новое пристанище у устья Наровы строили по государеву распоряжению. Весной из Москвы пришёл наказ поставить здесь укреплённое место, пригодное для прихода заморских судов. В июле основные работы удалось завершить. Теперь проверяли настилы, исправляли береговые сооружения, приводили в порядок склады и устраивали всё необходимое для постоянной службы.

На песчаном берегу уже стояли деревянные строения. Над ними поднимались сторожевые вышки. Внутри укреплённого места были выделены участки для хранения товаров, для служилых людей и для работников, которым предстояло оставаться здесь после ухода основных строительных отрядов. Но пока пристанище больше напоминало большую рабочую площадку, чем торговый город.

Возле ворот лежали штабеля дерева. Под навесами сушились доски. Между строениями тянулись следы тяжёлых саней и колёс. На земле валялись обрезки канатов, стружка, глиняные черепки и обломки кольев. Семён вернулся с двумя плотниками.

— Где тянуть?

Выродков показал. Они спустились к воде. Работа оказалась труднее, чем предполагали. Канат намок, деревянное крепление перекосилось, а волна мешала правильно поставить распорку. Один из плотников поскользнулся и едва не упал между сваями. Его успели удержать за пояс. Выродков немедленно велел прекратить работу.

— Сначала настил закрепить. Потом вниз спускаться.

— Так до вечера провозимся, — проворчал Семён.

— Лучше до вечера, чем человека из воды вытаскивать.

Мастер промолчал. Он сам видел, что нижние доски стали скользкими. Плотники принесли новый брус, усилили настил и только после этого снова спустились к креплению. К полудню работа была закончена. Выродков осмотрел её, несколько раз проверил соединения и лишь тогда разрешил людям идти обедать. Семён сел на перевёрнутую колоду. Достал хлеб. Некоторое время ел молча, потом спросил:

— Иван Григорьевич, а надолго здесь город поставили?

Выродков указал на ослабленное крепление.

— Насовсем.

— Это понятно. Я не о дереве спрашиваю.

— А о чём?

Семён показал в сторону моря.

— Корабли-то к нам пойдут?

Выродков не ответил сразу. В нескольких вёрстах выше по реке стоял Ивангород. На противоположном берегу поднимались стены Нарвы, принадлежавшей Ливонскому ордену. Там существовал давно налаженный торговый порядок. Купцы знали местные пошлины, пристани, склады и людей, через которых заключались сделки. Здесь всё только начиналось.

— Пойдут, — произнёс Выродков.

Семён усмехнулся.

— Ты так говоришь, будто сам их приведёшь.

— Не приведу.

— А кто?

Дьяк посмотрел на деревянные строения.

— Когда узнают, что можно товар выгрузить, сохранить и с прибылью продать, тогда сами придут.

Семён отломил кусок хлеба.

— А немцы не пустят?

Выродков поднял глаза. Вот этот вопрос был труднее. Морской путь не принадлежал одному государю. Заморские корабли проходили через воды и гавани, где действовали чужие власти. Ливонские города стремились удерживать выгодную посредническую торговлю. Их купцы неохотно смотрели на возможность прямых сделок между русскими и приезжими с моря. Но государь уже распорядился строить собственное пристанище. И теперь отступать только потому, что соседям оно не нравится, Выродков не собирался.

— Пусть сперва попробуют запретить всякому кораблю заходить к нашему берегу, — ответил он.

Семён хмыкнул. Потом спросил:

— А ты сам здесь останешься?

— Пока дело не сдам.

— Потом куда?

Выродков посмотрел на море.

— Куда государь велит.

Он не стал рассказывать о том, что уже несколько недель ожидал новых распоряжений из Москвы. После Свияжска ему приходилось строить и руководить другими работами. Теперь его вновь отправили к границе, где требовалось соединить военное укрепление с торговой пристанью. Семён поднялся. Работники возвращались к делу. Выродков ещё некоторое время стоял у воды. Вдоль берега шёл небольшой купеческий струг. Люди на нём осторожно выбирали место для остановки. Один из гребцов показывал рукой на новый настил.

Дьяк подозвал служителя.

— Узнай, чей товар.

Служитель отправился к пристани. Выродков смотрел, как судно медленно приближается. Ему хотелось, чтобы первый настоящий торговый день нового места прошёл без происшествий. Но вскоре стало ясно, что одних крепких свай для этого недостаточно.

На другом берегу Наровы немецкий купец Генрих Фогель наблюдал за погрузкой бочек. Его торговый двор находился неподалёку от одной из городских улиц, ведущих к речным складам. Дом был крепкий, с каменным нижним этажом и деревянными помещениями наверху. Во дворе стоял крытый навес. Под ним хранили пустую тару, весы, канаты и запасные доски для бочек. Генрих занимался торговлей уже больше двадцати лет.

Он покупал русские кожи, воск, лён и пеньку, перепродавал их через приморские города, а обратно привозил сукно, соль, металлические изделия и другие товары, которые находили покупателей в Новгороде и Пскове. Раньше подобная торговля казалась ему достаточно надёжной. Купец мог потерять деньги на неудачном товаре или буре, но знал, что при исправных документах и уплате положенных пошлин сделки продолжаются. Теперь всё изменилось.

С русского берега приходили известия о строительстве новой пристани. Московские власти ограничивали поездки своих купцов в немецкую сторону. Ливонские городские советы спорили, какие меры следует принять в ответ. Из Ревеля советовали не допускать усиления прямой торговли русских с приезжими кораблями. Из Ивангорода приходили жалобы, что привычные торговые соглашения перестают исполняться. А на складах Генриха оставался товар, за который уже были заплачены деньги.

— Эту бочку не трогать, — распорядился он.

Двое работников остановились.

— Почему, хозяин?

— Она для новгородского покупателя.

— Так он не приехал.

— Знаю.

Работник пожал плечами.

— Тогда зачем держать?

Генрих нахмурился.

— Затем, что я ему обещал.

Человек не стал спорить. Бочку откатили под навес. В это время во двор вошла Катарина, дочь купца. Она помогала отцу вести хозяйственные записи и уже достаточно хорошо знала торговые дела, чтобы понимать, почему тот в последние недели почти не бывает доволен.

— Посыльный из ратуши приходил, — сказала она.

Генрих повернулся.

— Что велели?

— Завтра явиться к советникам. Списки товаров принести.

— Опять?

— Опять.

Катарина протянула записку. Отец развернул. Прочитал. Потом сердито сложил.

— Теперь им и каждую бочку знать надобно.

— Они говорят, русские новые пошлины вводят.

— Пусть сперва собственные посчитают.

Катарина посмотрела на отца.

— Ты ведь сам прежде говорил, что город должен свою торговлю защищать.

Генрих поднял голову.

— Говорил.

— А теперь сердишься.

Купец помолчал. Он действительно много лет поддерживал право нарвских властей регулировать торговлю. Благодаря этим правилам город получал доходы, а местные купцы сохраняли преимущество перед чужеземными приезжими. Но теперь правила начинали мешать ему самому.

— Одно дело — брать пошлину, — произнёс Генрих. — Другое — заставить покупателей исчезнуть.

Катарина посмотрела на стоявшие под навесом бочки.

— Если русские будут продавать товар у себя, наши склады опустеют?

— Не все.

— А наши?

Отец не ответил. Он уже несколько недель подсчитывал возможные потери. Часть товаров можно было отправить в Ревель. Другие — продать в Риге. Но расходы на перевозку возрастали, а прибыль уменьшалась. К тому же русские товары поступали в ливонские города не только через Нарву. Псковские купцы ходили по другим дорогам, новгородские поддерживали старые связи, а жители пограничных мест нередко торговали друг с другом, не дожидаясь больших политических решений. Однако именно Нарва находилась напротив русской крепости.

И здесь перемены были видны прежде всего. Катарина подошла к столу с записями.

— Степану мы должны?

Генрих посмотрел на неё.

— Какому?

— Новгородскому. Кривцову.

Купец сразу вспомнил. Степан Кривцов ещё весной доставил большую партию воска и кож. Часть товара Генрих принял, но окончательный расчёт пришлось отложить из-за спора о пошлине и способе вывоза.

— Должны, — признал он.

Катарина показала запись.

— Срок уже прошёл.

Генрих помрачнел. Он не любил оставаться должником. Особенно перед человеком, с которым торговал много лет.

— Напишем ему, — решил купец.

— Что?

Генрих некоторое время думал. Потом произнёс:

— Что долг признаю. И что товар его сохранён.

— А деньги?

— Деньги заплачу, когда снова можно будет провести расчёт без новой задержки.

Катарина посмотрела на него.

— Он ведь может не поверить.

Отец вздохнул.

— Знаю.

Она села за стол. Приготовила бумагу и чернила. Генрих начал диктовать письмо. Но уже после первых строк понял, насколько трудно объяснить старому торговому товарищу, что теперь между ними стоят не только река и таможня. Между ними возникло государственное недоверие.

Степан Кривцов получил это письмо в Ивангороде. Он приехал из Новгорода с двумя подводами и намеревался прежде всего выяснить судьбу прежней партии товара. Но возле крепостных ворот его остановили служилые люди, проверявшие разрешения на поездки и провоз товаров. Степан уже слышал о новом государевом запрете ездить с товаром в немецкие города. Однако надеялся, что сможет хотя бы уладить прежние расчёты. Ему объяснили, что без особого разрешения переходить на другой берег нельзя. Купец долго спорил.

Показывал старые торговые записи. Говорил, что деньги ему должны не за новый товар, а за давно проданный. Но служитель оставался непреклонен.

— Не велено.

Степан нахмурился.

— Я не торговать еду.

— А зачем?

— Долг получить.

— С тем к начальству иди.

Кривцов понял, что дальнейший разговор бесполезен. Он вернулся к подводам. Его старший сын Павел стоял возле лошадей. Молодой человек уже несколько лет ездил с отцом по торговым делам, но теперь впервые сталкивался с тем, что исправные документы не помогают решить вопрос.

— Пустили? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что государь не велел.

Павел посмотрел через реку. Над Нарвой поднимались высокие стены замка. За ними виднелись крыши городских домов. Всё было так близко, что в тихую погоду можно было услышать отдельные звуки с другого берега.

— До города рукой подать, — произнёс Павел.

Степан вздохнул.

— Рука коротка.

Они некоторое время стояли молча. Потом молодой человек спросил:

— А долг?

Отец развернул письмо Генриха.

— Признаёт.

— Заплатит?

— Обещает.

— Когда?

Степан сложил лист.

— Вот этого и не пишет.

Павел сердито ударил ладонью по телеге.

— Значит, обманул.

Отец посмотрел на него.

— Не торопись.

— А что ещё думать?

— Я с Генрихом пятнадцать лет торгую. Он прежде долгов не оставлял.

— Теперь оставил.

Степан помолчал. Он и сам испытывал раздражение. Но не хотел приучать сына считать всякую неудачу доказательством чужой нечестности.

— Если бы он хотел обмануть, — произнёс купец, — не писал бы, что должен.

Павел отвернулся. Ему казалось, что отец слишком доверяет немцу. Но Степан уже знал: торговля держится не только на товарах и деньгах. В ней многое зависит от человека, которому можно отправить груз, не сопровождая каждую бочку собственными работниками. Теперь эта привычная уверенность разрушалась. И не всегда по вине самих купцов. Вечером Степан отправился к местному начальнику. Попросил разрешения передать письмо через назначенных людей. После долгого разговора ему позволили это сделать.

Но объяснили, что новые торговые поездки следует направлять к государеву пристанищу у моря. Кривцов выслушал. Потом спросил:

— А там немецкие купцы есть?

Служитель ответил:

— Будут.

— Сейчас?

— Сейчас кто придёт.

Степан не удержался.

— Мне товар нынешней осенью продать надобно, а не когда-нибудь.

Начальник нахмурился.

— Государев приказ не тебе судить.

Купец поклонился. Но выходил из палаты с ещё большим беспокойством. Он понимал необходимость строить новую пристань. Понимал и желание Москвы не зависеть от ливонских городов. Но теперь перед ним находилась простая задача: сохранить своё дело, пока новый порядок не начал работать. А помочь ему в этом никто не мог.

В Москве сведения из Ивангорода разбирали несколько дней. Висковатый подготовил выписки из прежних договоров. Матвей Лазарев собрал купеческие челобитные. Адашев принёс сведения о состоянии новой пристани и расходах на её устройство. Иван Васильевич внимательно рассматривал бумаги. Особенно его интересовали сообщения о приезжих судах.

— Сколько кораблей пришло?

Матвей назвал известное число небольших судов и торговых людей. Царь нахмурился.

— Мало.

— Место новое, государь.

— В Нарву ходят.

— Там давно торгуют.

Иван отложил бумагу. Он уже слышал это объяснение. Но оно не удовлетворяло его.

— Если и дальше ждать, пока купцы сами привыкнут, — произнёс он, — ещё много лет будем через чужие ворота товар возить.

Адашев осторожно ответил:

— Новую пристань одним летом не устроить.

— Свияжск за месяц поставили.

— Крепость поставили. А здесь торговля нужна. Купцов приказом не соберёшь.

Иван посмотрел на советника. Слова были справедливыми. И потому раздражали сильнее. Царь сам понимал различие между военным и торговым делом. В крепость можно направить служилых людей, работников и государевы припасы. Но корабль с заморским товаром приходит туда, где купец надеется получить прибыль. Если новая гавань окажется неудобной, опасной или слишком дорогой, приказ не заставит чужеземного торговца вести туда своё судно. Висковатый развернул ещё одну грамоту.

— Из Нарвы пишут, что их городские люди не хотят терять прежнего порядка.

Иван усмехнулся.

— Значит, прежний порядок им выгоден.

— Выгоден.

— А нам?

Дьяк помедлил.

— И нам торговля через них пользу приносила. Только не всю, какую могла бы.

Царь поднялся. Подошёл к карте. На ней были показаны Новгородская земля, Псков, Ивангород и ливонские города. Линии рек и дорог пересекались, расходились, снова соединялись возле больших торговых мест. Иван провёл пальцем вдоль Наровы.

— Здесь наша земля.

— Наша.

— И берег морской наш.

— Наш.

— А корабли идут к ним.

Висковатый осторожно заметил:

— Часть и к нашим людям ходит. Только большие торговые связи у них старее.

Иван некоторое время рассматривал карту. Он не хотел слышать, что московскому государству необходимо смириться с чужими преимуществами только потому, что они возникли прежде. Но и война за торговую пристань казалась ему слишком дорогим средством. После Казани и Астрахани государство ещё не успело завершить все дела на востоке. Новые крепости требовали людей. Служебное Уложение вызывало споры. На южной границе по-прежнему приходилось держать значительные силы.

— Значит, торг надо устраивать лучше, — произнёс царь.

Адашев кивнул.

— Лучше.

— Иначе купец опять туда пойдёт, где привычнее.

Висковатый развернул новую выписку.

— А у ливонцев не только торговля, государь.

Иван повернулся.

— Что ещё?

— Юрьевское дело.

Царь нахмурился. Это название возвращалось на советах уже несколько лет. Юрьев, который немцы называли Дерптом, был старым городом с непростой историей. Московские власти ссылались на прежние договоры и требовали от епископства установленной дани. Ливонские представители спорили о самом основании и размере платежа, утверждали, что прежние обязательства касались отдельных пограничных владений, и не соглашались с московским расчётом недоимок.

В 1554 году при возобновлении договорных отношений вопрос снова оказался главным препятствием. Теперь срок исполнения приближался, а ясности не появлялось.

— Что отвечают? — спросил Иван.

Висковатый показал последние сведения. Ливонцы продолжали обсуждать размер платежа и порядок его внесения. Одни заявляли, что не могут собрать требуемые деньги. Другие спорили, какие именно земли должны платить. Третьи ссылались на необходимость согласия нескольких властей. Иван выслушал. Спросил:

— Разве магистр один там правит?

Висковатый покачал головой.

— Не один. У епископов свои земли, у городов свои права. И всякий прежде своё выгадать хочет.

Царь нахмурился.

— А договор тогда с кем заключали?

— От всей стороны ответ давали. Только внутри у них согласия мало.

Иван сел.

— Нам какое дело до их несогласия?

Адашев осторожно произнёс:

— Если требуем исполнения, надобно знать, кто может исполнить.

Царь посмотрел на него.

— А коли никто не может?

Советник не ответил сразу. Этот вопрос они уже обсуждали. Ливония состояла из нескольких владений, связанных договорами, но часто споривших между собой. Орден, епископы, городские советы, местные рыцари — все имели собственные интересы. Слабость общего порядка могла казаться Москве удобной. Однако при переговорах она превращалась в препятствие: всякое обещание требовало согласования, а всякий отказ можно было объяснить волей другой стороны.

— Тогда пусть сами между собой договариваются, — наконец сказал Адашев.

Иван покачал головой.

— Уже договорились бы, коли хотели.

Он взял грамоту. Ещё раз прочитал. Потом распорядился подготовить ответ, в котором следовало напомнить о прежних обязательствах и потребовать определённого решения. Висковатый записал. Совещание продолжилось. Но теперь разговор шёл уже не только о торговле. На карте перед царём постепенно возникал целый край, где вопросы пошлин, веры, земельных прав и военных союзов были связаны между собой. И всякий из них мог затронуть интересы Москвы.

В Юрьеве осень началась рано. После первых холодных дождей дороги между городом и окрестными селениями раскисли. Подводы двигались медленно, колёса застревали в глине, а на низких участках приходилось подкладывать под них ветви. В одном из селений Дерптского епископства жил крестьянин Яан. Он обрабатывал землю местного владельца вместе с женой и детьми. Его семья держала небольшой огород, несколько животных и запасала сено для зимы.

Яан привык к тому, что часть собранного хлеба нужно отдавать. Но в последние месяцы стали говорить о новых денежных требованиях, связанных с переговорами епископства и Москвы. Сначала он почти не обращал внимания. Городские власти и прежде спорили о деньгах, пошлинах и старых правах. Но затем управляющий имением распорядился составить новые списки хозяйств. И тогда разговоры превратились в тревогу. В тот день Яан вернулся с поля поздно. Жена Мари встретила его возле сарая.

— Опять из города приезжали.

Он остановился.

— Кто?

— Управляющий. С двумя людьми.

— Чего хотели?

— Считали дворы.

Яан нахмурился.

— Для чего?

Мари пожала плечами.

— Сказали, будет новый сбор.

Он молча снял мокрый кафтан. Вошёл в дом. На столе лежал небольшой мешочек с монетами. Мари показала.

— Я пересчитала. После покупки соли почти ничего не осталось.

Яан присел. Некоторое время молчал. Потом спросил:

— Сколько требуют?

— Не сказали.

Он поднял голову.

— Как же собирать, коли не сказали?

— Потому и ждут, что объявят позже.

Яан раздражённо провёл ладонью по лицу. В последние годы местные власти несколько раз требовали дополнительных поставок для военных нужд. Сначала говорили об опасности со стороны Литвы. Потом — о внутренних спорах ливонских господ. Теперь снова упоминали Москву. Но для крестьянской семьи всё это означало одно: новый сбор зерна, денег или подвод. Мари осторожно села рядом.

— Можно бы ещё одну свинью продать.

Яан покачал головой.

— Весной чем кормиться будем?

— Тогда телёнка.

— Телёнок ещё мал.

Они некоторое время перебирали возможные решения. Но каждое оказывалось неприятным. Если продать скот, уменьшится хозяйство. Если отдать зерно, придётся покупать хлеб весной. Если занять деньги, появится новый долг. Мари посмотрела на мужа.

— А что за дань такая? Которую московский царь требует?

Яан пожал плечами. Он слышал разные объяснения. Одни говорили, что русский государь требует старые платежи за пограничные земли. Другие утверждали, будто хочет заставить весь Юрьев признать прежнюю зависимость. Третьи уверяли, что всё это только повод для нового спора между большими властями.

— Не знаю, — признался Яан.

Жена нахмурилась.

— Значит, даже не знаем, за что платить будем.

Он молча посмотрел на монеты. В дальнем городе епископские советники разбирали старые грамоты. В Москве государевы дьяки ссылались на другие документы. А здесь, в небольшой крестьянской избе, муж и жена пытались понять, сколько хлеба оставить детям. Яан взял мешочек с монетами. Пересчитал. Потом положил обратно.

— Пока ничего не продавай, — решил он. — Сначала пусть назовут меру.

Мари кивнула. Но уже знала, что при следующем требовании им снова придётся начинать этот разговор.

В самой Нарве Генрих Фогель всё чаще посещал ратушу. Городские советники обсуждали новые обстоятельства почти каждую неделю. Особенно много споров вызывало русское пристанище у устья Наровы. Одни требовали усилить ограничения для купцов, которые могли начать торговать с московскими людьми напрямую. Другие предупреждали, что слишком жёсткие запреты лишь подтолкнут торговлю на русский берег. Генрих принадлежал ко вторым.

На очередном собрании он долго слушал, как один из советников объяснял необходимость сохранить прежние городские права. Потом поднялся.

— Наши права будут чего-нибудь стоить, если здесь останутся купцы.

Несколько человек повернулись. Председательствующий нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что город должен уступить Москве?

— Я хочу сказать, что товар надо продавать.

— И позволить русским принимать корабли без наших посредников?

Генрих пожал плечами.

— Они уже строят пристань.

— Значит, надо препятствовать.

— Как?

Советник начал перечислять возможные меры. Ужесточение надзора. Предупреждения торговым людям. Ограничения для тех, кто ведёт сделки в обход городских правил. Генрих слушал. Потом спросил:

— А что мы предложим взамен?

Собравшиеся замолчали. Купец продолжил:

— Если приезжий корабль может выгрузить товар на русском берегу и получить там деньги, он спросит, зачем идти к нам. Мы должны сделать так, чтобы ему было выгоднее приходить в Нарву.

Один из советников раздражённо ответил:

— Не всякую выгоду можно купить уступками.

Генрих кивнул.

— Верно. Только и запретом не всякую торговлю удержишь.

Разговор стал оживлённее. Несколько купцов поддержали Фогеля. Другие выступили против. Городские власти опасались потерять доходы от торговли, а вместе с ними — средства для содержания стен, пристаней и гарнизона. Генрих это понимал. Но теперь особенно остро чувствовал, что интересы города и отдельного торгового дома не всегда совпадают. Когда собрание закончилось, он вышел на улицу. Возле ратуши его ожидала Катарина.

— Ну что?

Отец нахмурился.

— Опять спорили.

— О русских?

— О русских.

Дочь вздохнула.

— Значит, ничего не решили.

Генрих посмотрел на неё.

— Решили новые записи собрать.

Катарина невольно рассмеялась.

— Записей у нас уже больше, чем товара.

Отец тоже улыбнулся. Но вскоре снова стал серьёзным. Они направились к дому. По дороге Генрих заметил несколько подвод, гружённых древесиной. Работники везли её к городским укреплениям.

— Стены чинят, — произнесла Катарина.

Он кивнул.

— Чинят.

— Думают, русские придут?

Генрих некоторое время молчал. Потом ответил:

— Когда соседи перестают друг другу доверять, всякий начинает стены проверять.

Дочь посмотрела на него.

— А ты?

Купец усмехнулся.

— Я сперва склад проверю. Там у меня больше всего добра.

Генрих задержался у развилки, где дорога вела к его складу. Возчик спрашивал, отправлять ли утром партию товара к русскому берегу, но купец не мог дать ему ответа: вчера совет обещал разрешение, сегодня потребовал новой бумаги. В кармане лежало письмо Степана Кривцова с суммой, которую следовало уплатить ещё в прошлый срок. Генрих машинально проверил печать, хотя помнил каждую строку. Если задержать товар, склад заполнится и придётся платить за хранение. Если выпустить без разрешения, стража может удержать груз. Он велел возчику пока не распрягать лошадей, сам же повернул к ратуше: до закрытия дверей оставалось совсем немного времени.

В Новгороде Степан Кривцов вернулся к началу октября. Дорога оказалась тяжёлой. Осенние дожди размыли несколько участков, одна подвода сломала ось, а возле переправы пришлось провести почти сутки, ожидая свободного парома. Теперь купец стоял в собственном дворе и наблюдал, как работники разгружают оставшийся товар. Жена Дарья вышла к нему. Она сразу заметила, что муж вернулся не в духе.

— Как съездил?

— Долго.

— Деньги привёз?

Степан покачал головой. Она помолчала. Потом спросила:

— Совсем ничего?

— Часть получили. Остальное пока у немца.

Дарья нахмурилась.

— У Генриха?

— У него.

— Он ведь прежде исправно платил.

— Прежде.

Жена осторожно взяла из рук мужа дорожный мешок.

— Значит, теперь ждать?

Степан кивнул. Они вошли в дом. На столе уже лежали хозяйственные записи. Дарья заранее приготовила их к возвращению мужа. Она сама следила за расходами семьи, уплатой долгов и работой домашних людей. В торговые поездки почти не ездила, но хорошо знала, какой груз отправляли весной и сколько денег требовалось получить к осени. Теперь она развернула записи.

— За воск ещё осталось столько-то. За кожи — отдельно. А за соль мы уже должны.

Степан сел. Подвинул к себе лист. Несколько минут они считали. Потом Дарья спросила:

— Можно часть товара в Москве продать?

Муж задумался.

— Можно. Только дешевле выйдет.

— Лучше дешевле, чем вовсе без денег.

Он посмотрел на неё. Дарья продолжила:

— Весной опять закупать надобно. А чем?

Степан вздохнул. Он уже думал о том же. Но теперь впервые ясно увидел, что убытки одной неудачной поездки могут затронуть всё хозяйство. Придётся отказаться от части новых закупок. Отложить ремонт складской крыши. Возможно, отпустить одного работника. А если деньги из Нарвы не придут до зимы, понадобится занять средства у других купцов.

— Попробуем московским людям предложить, — решил он.

Дарья кивнула. Потом осторожно спросила:

— А Павел?

Степан поднял голову.

— Что Павел?

— Он после поездки сердитый ходит. Всё говорит, что немцам верить нельзя.

Купец нахмурился.

— Молод ещё.

— Так объясни.

— Объяснял.

— Значит, плохо.

Степан посмотрел на жену. Она не улыбалась. Он понял, что разговор придётся продолжить. Позднее, когда Павел вернулся со двора, отец позвал его к столу. Показал записи. Объяснил, какие деньги ещё остаются у Генриха, почему часть товара невозможно вернуть сразу и сколько семья потеряет, если прекратит всякую торговлю с прежними покупателями. Молодой человек слушал. Сначала спорил. Потом стал задавать вопросы. Наконец спросил:

— А если государь велит совсем с немцами не торговать?

Степан задумался.

— Будем искать другие дороги.

— Какие?

Отец показал на список товаров.

— Что-то через Москву. Что-то к новой пристани. Что-то иным купцам.

Павел нахмурился.

— А если они тоже не придут?

Степан не сразу ответил. Он уже понимал, что именно этого и боится.

— Тогда часть дела потеряем, — сказал он.

Сын поднял глаза. Отец продолжил:

— Поэтому прежде чем сердиться на Генриха, подумай, как свой товар сохранить.

Павел некоторое время молчал. Потом снова взял записи. Теперь он смотрел на них внимательнее.

К ноябрю в Москве появились новые известия о положении в Ливонии. Из пограничных городов сообщали, что там продолжаются внутренние споры между орденскими начальниками, епископами и городскими властями. Особенно много говорили о соглашениях, заключённых в Позволе. До Москвы доходили сведения, что ливонский магистр Вильгельм Фюрстенберг договорился с польским королём и великим князем литовским Сигизмундом Августом о взаимной поддержке. Однако точные условия соглашений ещё требовали выяснения.

Висковатый не любил строить дипломатические решения на слухах. Поэтому, прежде чем докладывать царю, собрал несколько сообщений. Одно пришло через западных купцов. Другое — из пограничных мест. Третье содержало пересказ слов людей, близких к ливонским властям. Сведения расходились в подробностях. Но главная мысль повторялась. После внутренних столкновений в Ливонии усилилось влияние польско-литовского государя. Иван Васильевич выслушал доклад внимательно.

— Магистр с королём договорился?

— Есть такие вести, государь.

— О чём?

— О мире между ними. И о взаимной помощи.

Царь нахмурился.

— Против кого?

Висковатый осторожно ответил:

— Говорят разное. Точного письма у нас пока нет.

Иван посмотрел на Адашева. Тот стоял возле стола.

— Слыхал? — спросил царь.

— Слыхал.

— Что думаешь?

Советник некоторое время молчал. Он уже знал о внутренних ливонских спорах. Рижский архиепископ, орденские власти и соседние правители давно пытались использовать противоречия друг друга. Теперь польский король вмешался достаточно решительно, чтобы заставить ливонцев искать соглашения. Но из этого ещё не следовало, что против Москвы немедленно готовится большая рать.

— Прежде узнать надо, что именно подписали, — ответил Адашев.

Иван нахмурился.

— Опять ждать.

— Не ждать без дела. Узнать.

Висковатый кивнул.

— Если союз против нас, это одно. Если они собственную распрю мирят, другое.

Царь прошёл по палате.

— А разве одно другому мешает?

Дьяк не ответил. Иван продолжил:

— Сегодня распрю помирили. Завтра друг другу помощь обещают. А потом на нашей границе вместе станут.

Адашев осторожно произнёс:

— Могут и не стать.

Царь резко повернулся.

— А могут.

В палате наступила тишина. Советник выдержал взгляд государя. Он не собирался отрицать опасность. Но и не хотел, чтобы московская политика определялась только предположением о чужих намерениях.

— Потому и надо знать наверно, — сказал он.

Иван некоторое время молчал. Потом вернулся к столу.

— Хорошо. Узнавайте.

Висковатый поклонился. Царь продолжил:

— И о юрьевской дани снова писать. Чтобы не думали, будто мы прежние требования забыли.

Дьяк приготовил запись.

— В каком порядке?

— Как прежде требовали. Исполнить договор. И ответа не откладывать.

Адашев осторожно заметил:

— Они опять станут просить срок.

Иван посмотрел на него.

— Тогда пусть объяснят, зачем им столько лет понадобилось.

Советник не стал спорить. Он понимал, что царь всё меньше верит в возможность решить западные дела одними обещаниями. Но ещё видел пространство для переговоров. И пока оно существовало, хотел им воспользоваться.

После совещания Висковатый задержался у Матвея Лазарева. Они вместе разбирали новые грамоты. Посольский дьяк выглядел утомлённым.

— Трудное дело, — произнёс он.

Матвей поднял голову.

— Ливонское?

— Оно.

Висковатый сел. Некоторое время молчал. Потом развернул старую выписку.

— Смотри. Здесь обещают платить. А здесь опять спорят, за что именно. Одни говорят об отдельных землях. Другие от имени всей стороны отвечают. Потом являются новые люди и начинают сначала.

Матвей внимательно прочитал.

— Может, сами не знают, чего хотят?

Висковатый усмехнулся.

— Каждый знает. Только хотят разного.

Он показал на записи.

— Нарвскому купцу нужен торг. Юрьевскому епископу — сохранить доход. Магистру — чтобы его власть признавали. А королю польскому выгодно, коли ливонцы за помощью к нему придут.

Матвей задумался.

— И как со всеми договориться?

Висковатый посмотрел на него.

— С теми, кто может исполнить обещанное.

Дьяк снова развернул грамоту. Но вскоре добавил:

— Только таких там всё меньше видно.

Матвей не стал отвечать. Он уже привык к тому, что государственные дела редко бывают столь ясными, как выглядят в окончательных записях. В поместных книгах можно было указать число четвертей земли. В разрядных — количество людей и коней. В посольских — слова, которые произнесли представители другого государя. Но ни одна запись не могла поручиться, что обещание будет исполнено. Висковатый сложил бумаги.

— Завтра ещё раз государю покажем.

Он поднялся. Матвей проводил его до двери. Когда посольский дьяк ушёл, Лука осторожно спросил:

— Значит, война будет?

Матвей оторвался от записи.

— Откуда взял?

— Государь сердился.

Дьяк покачал головой.

— Государь и на нас сердится, когда записи путаем. Не за всякую ошибку рать собирают.

Лука смутился. Матвей продолжил:

— Сейчас грамоты готовим. Вот их и надо написать верно.

Он подвинул чистый лист. Подьячий взял перо. Они вернулись к работе.

В Ивангороде к зиме усилили наблюдение за противоположным берегом. На стенах чаще появлялись служилые люди. Проверяли состояние орудий. Осматривали подступы к воротам. Но обычная жизнь ещё продолжалась. Купцы спорили о пошлинах. Работники разгружали суда. В мастерских исправляли колёса, лодки и инструменты. За рекой Нарва тоже готовилась к холодам. Над домами поднимался дым. На башнях стояли караульные. Вечером иногда слышался колокольный звон. Две крепости смотрели друг на друга через узкую полосу воды.

И каждая жила собственными заботами. Степан Кривцов вновь приехал в Ивангород в конце ноября. На этот раз он привёз только небольшую партию товара и письмо для Генриха Фогеля. Деньги всё ещё оставались неуплаченными. Но немецкий купец предложил передать часть долга через доверенных людей. Степан согласился. Теперь нужно было лишь организовать расчёт так, чтобы не нарушить действующих распоряжений. Он обратился к местному служителю. Тот внимательно проверил бумаги. Потом велел ожидать разрешения начальника.

Кривцов уже привык к подобным задержкам. Поэтому не стал спорить. Вышел на берег. Там стоял Павел. Молодой человек смотрел на Нарву.

— Отец, а там стены крепче наших?

Степан повернулся. Осмотрел обе крепости.

— И там крепкие. И у нас.

— А если стрелять начнут?

Купец нахмурился.

— Кто?

— Они по нам. Или наши по ним.

Степан посмотрел на сына. В последние месяцы тот всё чаще задавал подобные вопросы. Пограничные слухи действовали на молодого человека сильнее, чем на самого купца.

— Пока никто не стреляет, — ответил он.

Павел кивнул. Но вскоре спросил:

— А если начнут, товар наш здесь останется?

Степан задумался. Он уже не раз представлял себе такую возможность. Если между крепостями начнётся настоящая война, торговля остановится почти сразу. Купцы не смогут свободно переправлять грузы. Долги останутся неуплаченными. Склады опустеют или будут заполнены товаром, который некому купить. И пострадают не только русские или немецкие торговцы. Без заработка останутся перевозчики. Грузчики. Лодочные мастера. Люди, готовившие тару. Работники, содержавшие склады.

— Потому и хочу деньги получить, — произнёс Степан.

Павел посмотрел на него. Теперь он понял, почему отец так настойчиво добивается расчёта. Не из одного упрямства. Он пытался сохранить хозяйство прежде, чем чужой спор сделает это невозможным. Купец поправил шапку.

— Пойдём. Нас, верно, уже зовут.

Они направились к крепостным воротам.

В Нарве тем временем Генрих Фогель сидел за столом с дочерью. Перед ними лежала запись о передаче части долга Степану Кривцову. Катарина внимательно проверяла суммы.

— Здесь меньше, чем обещали.

Отец поднял голову.

— Сколько?

Она показала. Генрих пересчитал. Действительно, разница оставалась.

— Эти деньги оставим до следующего расчёта, — сказал он.

Катарина нахмурилась.

— Тогда ему опять придётся приезжать.

Купец вздохнул. Он сам не хотел затягивать дело. Но теперь не мог сразу собрать всю сумму.

— Напиши, сколько осталось.

Дочь взяла перо. Осторожно вывела запись. Потом спросила:

— Ты думаешь, в следующем году будет легче?

Генрих посмотрел на окно. За ним стояла ранняя темнота. Во дворе работники закрывали склад. Над крышами тянулся дым. С противоположного берега едва различались огни Ивангорода.

— Не знаю, — ответил он.

Катарина удивилась. Прежде отец почти всегда имел готовый ответ на хозяйственный вопрос. Теперь всё чаще признавал неопределённость. Она ещё немного поработала. Потом осторожно спросила:

— А если русские станут торговать только у своей пристани?

Генрих подумал.

— Тогда и нам придётся искать новых покупателей.

— Где?

— В Ревеле. В Риге. У заморских купцов.

Катарина кивнула. Затем спросила:

— А русские?

— Что русские?

— С ними совсем перестанем?

Генрих посмотрел на дочь. Он уже не раз слышал подобные разговоры в ратуше. Но теперь вопрос прозвучал иначе. В нём не было ни страха перед Москвой, ни желания отстоять городские права. Только простое понимание, что люди по обе стороны реки многие годы обменивали товары и знали друг друга.

— Пока река между нами течёт, — сказал Генрих, — люди будут искать способ торговать.

Катарина осторожно отложила перо.

— А власти позволят?

Отец не ответил. Он снова взял запись. Проверил сумму. Потом велел запечатать письмо. На следующий день его предстояло передать на противоположный берег.

В декабре Иван Васильевич вновь вернулся к ливонским делам. Теперь перед ним лежали не только посольские грамоты, но и сведения о состоянии войск на северо-западных рубежах. Воеводы докладывали о крепостях. О людях. Об орудиях. О запасах. Сама по себе подобная проверка не означала немедленного похода. После недавних войн государь требовал, чтобы пограничные города содержались исправно. Но теперь он особенно внимательно изучал западные направления. Ивангород. Псков. Новгород. Дороги к Юрьеву.

Переправы возле Чудского озера. Висковатый разложил перед царём карту. Адашев стоял рядом. Иван некоторое время смотрел. Потом спросил:

— Если ливонцы дани не дадут, что делать?

Висковатый осторожно ответил:

— Можно ещё требовать исполнения.

— Требовали.

— Можно послов снова принять.

— Принимали.

Царь поднял голову.

— Сколько ещё?

Адашев вмешался:

— Надобно решить, чего мы хотим добиться.

Иван посмотрел на него.

— Исполнения договора.

— Только дани?

— И чтобы нашим купцам не мешали.

— А нового союза против нас не заключали?

Царь нахмурился.

— И этого.

Советник некоторое время молчал. Потом произнёс:

— Значит, дел несколько. И каждое своим способом решать надобно.

Иван повернулся к карте. Он понимал, что Адашев прав. Нельзя было ожидать, что один посольский ответ сразу устранит торговые препятствия, денежные споры и опасность чужих военных соглашений. Но именно это множество нерешённых дел всё сильнее раздражало царя. На востоке ему удалось добиться определённого результата. Казань была взята. Астрахань находилась под прямой московской властью.

Теперь, когда государь обращался к западным соседям, он снова сталкивался с бесконечными оговорками, ссылками на старые грамоты и обещаниями, исполнение которых откладывалось.

— Послов ещё принять можно, — сказал Иван. — Только пусть с настоящим ответом едут.

Висковатый кивнул. Царь продолжил:

— А воеводам написать, чтобы города и люди были исправны.

Адашев отложил выписку.

— Для чего именно?

Иван посмотрел на него.

— Для государевой службы.

Советник некоторое время выдерживал его взгляд. Потом поклонился. Он не стал продолжать спор. Но теперь чувствовал, что государь всё чаще соединяет дипломатические требования с военной готовностью. Раньше подобная готовность казалась естественной частью переговоров. Теперь в ней появлялась другая настойчивость. И Адашев пока не понимал, где царь намерен остановиться.

После совещания Иван вернулся в жилые покои. Анастасия находилась с детьми. Фёдор заметно окреп за последние месяцы. Теперь он уже мог дольше держать голову, внимательно следил за движением людей и иногда улыбался, когда мать наклонялась к нему. Евдокия играла возле кормилицы. Старший Иван сидел за небольшим столом. Перед ним лежали деревянные фигурки коней и людей. Увидев отца, мальчик поднялся.

— Батюшка!

Царь подошёл.

— Что делаешь?

— Полк собираю.

Иван невольно улыбнулся.

— Большой?

— Большой.

Мальчик показал фигурки. Одни стояли ровными рядами. Другие лежали на боку.

— Эти в поход идут, — объяснил он. — А эти дома остаются.

Царь посмотрел.

— Почему?

— Коней у них нет.

Иван рассмеялся. Он ещё недавно разбирал похожие вопросы со служилыми людьми. Но теперь услышал их от собственного сына.

— А что делать тем, у кого коней нет?

Мальчик задумался. Потом произнёс:

— Купить.

— А деньги?

Царевич нахмурился. Он явно не ожидал такой трудности.

— У тебя попросить.

Анастасия засмеялась. Иван тоже улыбнулся. Но вскоре заметил, что сын внимательно ждёт ответа.

— У государя не на всякого коня деньги найдутся, — произнёс он.

Мальчик удивился.

— Ты же царь.

Иван посмотрел на него. Слова были детскими. Но в них скрывалось представление о власти, которое сам он ещё недавно считал почти естественным. Если государь распоряжается страной, значит, может получить всё необходимое для любого дела. Теперь Иван уже знал, насколько часто приходится выбирать между разными нуждами.

— Царь тоже считать должен, — ответил он.

Мальчик задумался. Потом снова сел к игрушкам. Начал переставлять фигурки. Анастасия наблюдала за мужем. Он выглядел усталым. Она подошла.

— Опять западные дела?

Царь кивнул.

— Опять.

— Немцы?

— Ливонцы.

Она осторожно поправила край детского покрывала.

— Не договорились?

— Пока нет.

Царица посмотрела на него.

— А можно договориться?

Иван не сразу ответил. Он уже несколько месяцев пытался решить этот вопрос для себя. Одни сведения убеждали, что ливонские власти готовы искать соглашения. Другие показывали, что они продолжают откладывать исполнение договоров и обращаются за поддержкой к соседним государям.

— Можно, — наконец произнёс он. — Коли захотят.

Анастасия подняла глаза.

— А если не захотят?

Царь посмотрел на старшего сына. Тот увлечённо переставлял деревянных воинов, стараясь дать каждому коня. Потом снова повернулся к жене.

— Тогда придётся иначе.

Анастасия помолчала. Она уже знала, что муж говорит не о новом письме.

— Только ты сперва всё узнай, — произнесла она.

Иван посмотрел на неё.

— Что именно?

— Чего они хотят. И чего ты сам хочешь.

Царь нахмурился.

— Разве не говорил?

— Говорил о дани, о торговле, о договорах.

— Так и есть.

Она осторожно села рядом.

— А чего хочешь добиться в конце?

Иван некоторое время молчал. Этот вопрос казался простым. Но теперь он понял, что не может ответить одной фразой. Он хотел, чтобы московские купцы свободно торговали. Чтобы государственные договоры исполнялись. Чтобы западные соседи считались с его властью. Чтобы города на границе не зависели от чужой воли. Чтобы не приходилось снова и снова вести одни и те же переговоры. Но все эти желания не обязательно приводили к одному решению.

— Хочу порядка, — сказал он наконец.

Анастасия внимательно посмотрела на мужа.

— Тогда сперва реши, какой порядок нужен.

Царь не ответил. Вопрос жены требовал не придворного согласия, а решения, для которого ему ещё предстояло собрать сведения. Анастасия подошла к проснувшемуся Фёдору, подняла его на руки и стала укачивать. Иван остался возле стола: старший сын расставлял деревянный полк, стараясь пристроить последнюю фигурку без коня. Мальчик долго пробовал разные места и наконец поставил её рядом с остальными. Отец не вмешался.

— Этот пешком пойдёт, — решил он.

Отец улыбнулся. Затем присел возле сына.

— А далеко?

— До ворот.

— Почему до ворот?

Мальчик показал на край стола.

— Там чужие.

Иван некоторое время смотрел на деревянных воинов. Потом осторожно переставил одну фигурку, освободив место для последнего человека. Сын сразу заметил.

— Теперь все вместе.

— Все, — согласился царь.

Он поднялся. Поцеловал Анастасию. Потом детей. И вернулся к государственным делам.

В Ивангороде в это время уже наступила настоящая зима. Река ещё не везде стала, но возле берегов появился лёд. Сильный ветер гнал по воде мелкую снежную крупу. На стенах стояли караульные. Внизу служилые люди разводили огонь, чтобы согреть руки. На противоположном берегу Нарва казалась неподвижной. Только изредка возле городских ворот появлялись люди. С верхней площадки Ивангородской крепости хорошо виднелись тёмные стены замка, крыши домов и узкие улицы, уходившие в глубину города.

Стрелецкий десятник Данила Лобанов стоял возле орудийного места. Он недавно получил распоряжение усилить ночной караул. Сам по себе приказ не удивлял. Перед зимой воеводы всегда проверяли службу. Но теперь начальники стали чаще спрашивать о запасах пороха, исправности орудий и возможности быстро собрать людей. Лобанов наблюдал за противоположным берегом. Рядом стоял молодой стрелец Андрей.

— Там, говорят, новые пушки привезли, — произнёс он.

Данила повернулся.

— Кто говорит?

— Купцы.

— Купцы много чего говорят.

Андрей нахмурился.

— А если правда?

Десятник посмотрел на Нарву. Он сам видел несколько подвод, прошедших к замку. Но не мог сказать, что именно в них перевозили.

— Будет приказ — посмотрим, — ответил он.

Молодой стрелец некоторое время молчал. Потом спросил:

— А долго ещё с ними спорить будут?

Данила усмехнулся.

— Пока не договорятся.

— А если не договорятся?

Данила увидел в бойнице не всю Нарву, а небольшой освещённый двор: у немецкого дома женщина вытаскивала из сарая охапку дров, мальчик придерживал калитку ногой. С русского берега доносился сходный стук топора. Река между ними была узкой, но караульный, стоявший двумя башнями дальше, уже поднял тревогу из-за лодки, вышедшей к воде после разрешённого часа. Десятник прислушался, убедился, что дело ограничилось окриком стражи, и поправил рукавицу. Андрей всё ещё ждал ответа. Данила не знал, чем закончатся посольские переговоры, зато знал, что к утру придётся удвоить проверку орудийных мест.

— Тогда служить будем, — сказал он.

Андрей отправился сменить караульного у соседнего орудия, а Данила остался на стене. Снег густел; за рекой одно за другим зажигались окна. Когда из Нарвы донёсся колокольный звон, десятник проверил крепление пищали и обошёл ближайшие бойницы. На обоих берегах ещё сохранялся мир, который приходилось сторожить с заряженным оружием.

Данила задержался у бойницы. С другого берега доносились голоса горожан, а его ладонь по-прежнему лежала на холодном ложе пищали.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
НАРВСКИЙ ДОЛГ

Москва — Новгород — Псков — Юрьев — Нарва — Ивангород.
Декабрь 1557 — март 1558 года.

Генрих Фогель проснулся от стука в ворота. Сначала он решил, что шум ему приснился. За окнами стояла темнота, ветер гонял по двору сухой снег, а в печи давно погасли последние угли. Но стук повторился, теперь настойчивее, и снизу послышался голос сторожа. Генрих сел на постели.

Прежде чем спуститься, Генрих нащупал под подушкой связку ключей. Городской совет всё чаще требовал осмотра складов, и купец перестал оставлять их внизу. Накануне работник сообщил об очередной задержанной партии товара; письмо Степану Кривцову оставалось неотправленным, потому что окончательный расчёт не удавалось свести. Фогель накинул одежду и спустился по холодной лестнице. У двери уже стояла Катарина со светильником — чуть в стороне от створок, за которыми продолжали стучать.

— Кто там?

— Из ратуши, — ответил сторож.

Генрих велел открыть. Во двор вошёл человек в промокшем плаще. На его шапке и плечах лежал снег. Приезжий назвал себя служителем городского совета и передал запечатанное распоряжение. Фогель развернул лист. Ему надлежало утром явиться в ратушу вместе с другими торговыми людьми. Городские власти собирали сведения о товарах, находившихся в Нарве, и о денежных обязательствах перед русскими купцами. Генрих перечитал документ.

— Зачем им наши долги?

Служитель пожал плечами.

— Мне велено передать.

— А кто распорядился?

Человек назвал одного из ратманов. Купец нахмурился. Он знал этого советника много лет. Тот был человеком осторожным, редко принимал решения без согласия остальных и особенно внимательно относился к городским доходам. Если теперь он потребовал сведения о долгах, значит, дело становилось серьёзнее обычного торгового спора.

— Утром буду, — ответил Генрих.

Служитель поклонился и вышел. Катарина закрыла дверь. Отец ещё некоторое время стоял посреди комнаты, держа грамоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.